

A vibrant, stylized illustration of a man and a woman in a futuristic city at night. The man, with dark hair and a serious expression, stands with his arms crossed, wearing a dark blue jacket and pants. The woman, with long blonde hair, is seen from the back, wearing a red and black plaid shirt and a dark skirt. They are positioned in front of a large, glowing blue screen that displays a stylized 'i' and the word 'DINO'. The background is filled with colorful, glowing buildings and signs, including one that says 'CLUB'. The overall atmosphere is cyberpunk and romantic.

Н. КРОНОЦКАЯ
М. КРАСОВСКАЯ

DINO

”
**ДВОЙНОЙ ВИСКИ
СО СНЕГОМ**

18+

**Нани Кроноцкая
Марианна Красовская
Двойной виски со снегом**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69178468

SelfPub; 2023

Аннотация

Небывалый снегопад в Нью-Йорке столкнул двух человек: одиноких, замерзших, разговаривающих на одном языке. Три дня они провели вдвоём – и разошлись. Что это было – безумие, ошибка? Или начало новой сказки? Красивая история о любви. Очень откровенно, чувственно, ярко.

Содержание

Часть 1. Нью-Йорк	4
1. Снег в октябре	8
2. Джек-Пот	19
3. Крейсер Аврора	29
5. Послевкусие	51
6. Актерское мастерство	60
7. На крыше и в степи	71
8. Удар ниже пояса	85
9. Пустота	97
10. Боль	105
11. Срыв	111
12. Строго следуя рецепту	120
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Нани Кроноцкая, Марианна Красовская Двойной виски со снегом

Часть 1. Нью-Йорк

Пролог. Ветер перемен

Марина ночевала в машине и безумно замерзла. Все тело было окостеневшим, неповоротливым, от неудобной позы затекли спина и плечи. Она дрожала, дышала на озябшие пальцы, постепенно приходя в себя. Вчера волны в заливе вставали нешуточным строем, и она не рискнула вернуться домой.

Снегопад в Нью-Йорке осенью был катастрофой. Это вам не Москва, где подобное случается каждый год и не по одному разу.

Октябрьский океан был нынче суров, даже свиреп. Трое суток он сотрясал своим тяжелым штормом город. Срывал щиты, качал столбы, разбивал фонари. Заливал все дождем, швырял ветром. Порывы урагана бросали людей по проулкам, отключали свет в целых районах. Улицы города были пусты. Лишь отчаянные смельчаки рисковали выходить в

эпицентр стихии. У этого монстра было женское имя: такое давали самым коварным из всех климатических див.

А на четвертый день вдруг все затихло. Температура внезапно упала до немыслимых в этих широтах величин. Все вокруг замерзло, превратив город в гигантский каток. Гололед в октябрьском Нью-Йорке был бедствием, почти апокалипсисом. Весь наземный транспорт стоял. Улицы краснели от стыда за зависшие светофоры.

А к вечеру вдруг случилось нечто совершенно невозможное: в субтропиках повалил снег.

Марина смотрела в окно и не верила своим глазам. Удивительное дело, сколько она жила в Америке, подобного не помнила. Это было... красиво.

Разве это не повод для звонка сестре?

– Марин? Что за беда вдруг тебя принудила мне позвонить внеурочно? – обычное время их общения было поздним вечером в Нью-Йорке.

Лиза отправляла мужа на работу, дочку в школу, и можно было поболтать спокойно о своих секретах. А у Марины и вовсе некому было все слышать. Даже в офисе можно было смело болтать обо всем, но по-русски.

– Сестрен, у нас снег! Представляешь, так и валит хлопьями, будто в декабрьской Москве.

– Ты точно в Нью-Йорке? Тебя Георг не успел утащить прямо в Арктику?

Упоминание о покровителе и любовнике вдруг испортило

Марине настроение. Даже снег уже не казался волшебным. Что ж такое...

– Нет, ты же знаешь, мы только недавно вернулись из Африки. Он сам настоял на моем участии в фотосессии ню. И своим там присутствии.

– У-у-у... Как это мило. Неужто твой заяц внезапно вдруг член отрастил тебе на радость? И как оно? Где счастье, где море улыбок, радостный смех – я что-то не слышала? Ау, еще раз, что там было с Африкой этой?

– Ничего. Он смотрел. Я сидела, стояла, лежала. Чуть не сохла: под задницей мокрые камни, на макушку солнце.

Она вдруг отчетливо вспомнила этот позор. Как она ни старалась – ни искры желания не увидела в его взгляде, ни тени. Кажется, даже фотограф хотел ее больше.

– И все? Н-да... зато безопасно.

– Все. Вообще, дал одеться, потом отвез на самолет и уехал. А, в нос еще поцеловал, я прям взывала.

– Мариш! Найди уже себе того, кто способен на что-то не по расписанию. А сейчас ты загоняешь себя в тупиковый тупик, беспросветный. Это трудно, человечек ты творческий, но просто себе больше не ври. А то вляпалась ты с этим своими Георгом – ни секса, ни денег, ни ласки. Выходи из игры. Ай!

В трубке раздался веселый шум чьей-то возни. И потом низкий мужской голос произнес:

– Марго, ты извини уж. Но я жену забираю. Я детей зачем

няне отдал на весь вечер, не знаете, дамы? Чтобы Лизе моей никакие расписания не нужны были. Бай-бай, детка.

И они отключились. Марина вздохнула. Легче не стало. А теперь и идти ей было некуда. На яхту она не попадет, просто не доплывет. Даже пытаться было глупо. Апокалипсис накрыл весь город, люди блуждали по улицам, как потерянные тени. Им было холодно и страшно, будто огромное белое чудовище вдруг решило покончить с Нью-Йорком и всеми его жителями.

Всем вокруг было страшно, но только не ей! Она ощущала себя почти снежной королевой – видели бы эти американцы Москву после рождественских снегопадов!

Марине страшно не было, было весело. Снова вдруг вспыхнул азарт внутри, снова захотелось приключений.

И она пошла, оставляя черные следы на белом полотне этой ночи, пошла навстречу этому могучему белому чудовищу, так всех пугавшему, пошла в колючие объятия крупных хлопьев снега. Не как рыцарь с мечом наперевес, а как настоящий сообщник, как любовница к ожидавшему ее мужчине. С предчувствием чуда, непременно сегодня обещанного. Звезды снежинок, зажигающиеся под лучами фонарей, не могли ей солгать, мы же знаем?

1. Снег в октябре

Темно и мокро – крупные снежинки лижут нос, словно собаки. Сказочно красиво – хлопья снега на фоне черной ночи подсвечены огнями неоновых реклам. Марина-художник, широко раскрыв глаза, упивалась этой ночью, словно хмельным вином. Она даже не вспомнила, что на ней всего лишь пиджак и туфли на каблуках. Ее в этом мире уже не было.

Реальность напомнила о себе неожиданно: потянувшись губами за особенно огромной снежинкой, Марина не удержала равновесия. Тонкая подошва туфли вдруг скользнула вперед и вверх, а земля вдруг ударила снизу. Выругалась Марина по-русски, громко, неприлично и с особым удовольствием. А потом засмеялась и все же поймала ртом снежинку. Ту ли самую? Неважно.

Что ж, кажется, кости целы, а что грохнулась, так ничего удивительного! О ее нечеловеческом везении можно слагать анекдоты. Гораздо удивительнее было другое. В крупнейшем мегаполисе мира в эту странную ночь вышли гулять по снегу два человека, разговаривающие на одном языке... и эти люди встретились.

Молодой мужчина в джинсах, кроссовках и светлом свитере крупной вязки, услышав вскрик, вдруг побежал на помощь русскоязычной незнакомке. Не вызвал полицию, не позвонил 911 – как поступили бы законопослушные налого-

плательщики – а взял и побежал. Нонсенс.

Его отзывчивость была вознаграждена: на тротуаре лежала прекрасная русоволосая незнакомка с завораживающе длинными ногами и хохотала.

– Вы лежите тут просто так, ради удовольствия, или нужна помощь? – с любопытством спросил мужчина на восхитительно-русском языке, совершенно серьезно подумывая, а не прилечь ли ему рядом?

– Пожалуй, помощь нужна, – с удовольствием призналась девушка. – А вы кто?

– Арат.

– Круто, – прекрасное видение ухватило за протянутую руку и легко поднялось на ноги, оказавшись вдруг на полголовы выше далеко не низкорослого Арата. – Я Марина.

Девушка внимательно рассматривала нового знакомого. Волосы черные, торчком, раскосые и очень темные глаза, дурацкий свитер явно ручной работы – бабушка, наверное, вязала. Но улыбка хорошая, правильная. Имя, правда, ни разу не русское, но говорит он на родном ей языке отменно. Никакого акцента, никаких неправильных интонаций. Свой.

– Что вы делаете ночью на улице, да еще в таком виде? – строго спросил Арат, неожиданно ощущая в себе странную потребность эту девочку защитить. От чего, ему еще было неясно, но она вызывала острое желание заботиться. Наверное, это все эти ее огромные голубые глаза, как у ребенка, наивные и доверчивые. И улыбка трогательно-искренняя. Она

ослепляла и кружила голову.

– В каком виде? – улыбалась ему прекрасная незнакомка и с любопытством разглядывала его с ног до головы.

– В туфлях! – Арат ткнул пальцем в ее дорожные туфли Carrezio, порядком уже промокшие.

– Босиком ноги мерзнут, – недоуменно ответила Марина.

– О Боже, – закатил он глаза. – Вам не холодно? Вам есть куда идти?

– Так весь мир перед моими ногами, – громко провозгласила Марина, взмахнув сумочкой и словно случайно оперевшись на его локоть.

Она была совершенно трезвой, но голова все равно кружилась, и из груди рвалась хмельная радость. Какой замечательно-безумный день! И русская речь – как же ее не хватало в ее жизни! Уже за один этот разговор ей хотелось расцеловать этого парня. Схватить его за руку и просто гулять всю ночь, болтая. Он был весь какой-то... уютный. Словно старый друг далекого детства. Совершенно не страшный.

– Если вы никуда не спешите, то предлагаю продолжить наше знакомство, – предложил Арат, которому совершенно не хотелось, чтобы ее тонкая рука вдруг отпустила его локоть.

– Где? – обрадовалась Марина.

– Ночной клуб Маяхуэль вас устроит?

– У меня нет денег, – призналась она немного смущенно, понимая, что подобные слова оттолкнули бы большинство

американцев... а «наш человек» воспримет это признание совершенно правильно. И снова не ошиблась.

– Я приглашаю, а это значит, я и угощаю, – Арат чуть наклонился к ней и хитро, совершенно по-заговорщицки улыбнулся, а потом подхватил Марину под руку и быстро повел вниз по улице. Только бы она не успела передумать!

Такую красивую девушку он встретил, пожалуй, впервые в своей жизни. Девушка-сказка, девушка-мечта. Еще вчера ему и в голову бы не пришло даже подойти к такой красоте. Лишь любоваться издалека, как на произведение высокого искусства. Так смотрят на картину или мраморную статую. Такие девушки не для него. С самого первого шага на этом материке он твердо усвоил простую истину: азиаты в Нью-Йорке – люди третьего сорта. Можно еще было рассчитывать на служебный роман: все же не последний Арат человек в этом мире. Но коллеги его воспринимали как своего в доску парня. Можно поболтать, можно даже переспать без продолжения и обязательств. Такая вот жизнь большого города.

Но сегодня уже произошло одно чудо – выпал снег, кто знает, может, день чудес не закончен?

Ночной клуб, в который он привел свою новую знакомую, не отличался пафосом, компании там собирались традиционно веселые и дружелюбные, никаких конфликтов отродясь не случалось, а вот коктейли местный бармен готовил восхитительные.

– Что тебе взять? – на случай, если спутница захочет нечто

необычное, спросил, не упустив возможность прикоснуться к ее хрупкому плечу.

Она улыбнулась в ответ лукаво:

– Что-нибудь... м-м-м... восточное?

Восточное? Она произнесла это слово так странно, почти нежно.

– Майкл, девушке «Манхэттэн-Кабул*» со льдом, мне – двойной мужской шотландский виски, без льда, – и Марине: – Вам понравится этот «Восток», уверяю.

Она взглянула на Арата с удивлением, даже с некоторой долей уважения. Но руку его не сбросила, даже придвинулась к нему немного. Чтобы не сойти с ума от ее близости, от запаха женских волос, от сверкающих в темноте зубов, Арат быстро отхлебнул из своего стакана.

Грохотала музыка, народу в клубе становилось все больше. Безумие Таймс-Сквер: казалось, само время тут текло иначе.

– Откуда ты знаешь русский? – Марине обязательно нужно было продолжать разговор, словно этот странный и такой притягательный человек мог сейчас исчезнуть из ее жизни.

Она как-то разом согрелась. Рядом с ним она обнаружила, что зябла все эти тоскливые три последних года. Не телом – душою. Холод пронизывающего одиночества. А он ее греет. На душе тепло от одной лишь улыбки, прячущейся в уголках раскосых глаз.

– Так я монгол, в наших краях вообще многие говорят по-

русски.

Марина поперхнулась первым же глотком своего «восточного» напитка.

– Кто?!

Арат вдруг развеселился. Она очень красиво удивлялась. Вообще все, что делала эта девушка, было красиво, даже валялась на тротуаре она восхитительно.

Марина же отчего-то решила, что обидела его. Заморгала, судорожно напрягла девичью память и выдала:

– Я... я из монголов знаю только Константина Померанцева, – и жалобно добавила: – Больше никого не вспомню.

Определение «упала челюсть» очень точно описало его состояние. Девушка, красавица. Знает Померанцева. Она настоящая? Вдруг осмелев, осторожно потрогал ее нос. Снова удивилась. И снова – красиво.

– Ты чего?

– Я впервые в Америке встречаю девушку, знающую, что существуют монголы, и способную поддержать разговор об искусстве. О монгольском искусстве – боюсь, что в последний.

– Да я почти ничего и не знаю об этом! В школе искусств кое-что проходили, и только. А монголы в моем понимании – Чингисханы, Батыи и все. Сабля, конь и халат с перевязью. Куда-то все скачут.

Они говорили по-русски, и правильно. Иначе окружающие их простые нью-йоркцы потеряли бы покой и сон.

– Я познакомлю тебя с другом, хочешь? Он сейчас у нас топ-художник. Отгонбаяр, погугли, как будет время.

Он ее знакомит с другом. Ага. Сбегать от нее монгол не собирается. Они общаются уже почти час, это прорыв. Обычно от ее умных фраз американцы скисали уже через четверть часа... А этот придвинулся ближе, блестит белоснежной улыбкой, такой искренней, такой притягательной. С самых первых минут он напоминал ей какого-то милого зверя. Не понимала, какого. Кого-то красивого, небольшого, гибкого и пушистого. А, ладно, на трезвую голову подумает! «Восточный коктейль» оказался коварно крепок.

– Ты понимаешь, центральная Азия – это почти человечество! Тысячелетия, века, сама история. Ты просто не знаешь, и мало сейчас кто знать хочет. Зачем? Это же не продается, как сэндвич. Не по-европейски: с пьяных глаз намалевал черный квадрат и продал уже сотню тысяч раз. И мы ни капли не похожи на американцев, тут – нарисовал этикетку на «колу» – художник! Подпись под ней поставил левою ногою – гений!

Он сидел, развернувшись к Марине лицом, а она уже даже не слышала его слов. Смотрела на губы, чувственные и, такие красивые, на безупречную линию мужского подбородка, не тяжелого, но выгодно подчеркивающего монетную красоту его лица. Словно вечная песнь самой степи в его профиле, в темных глазах.

С трудом оторвала себя от беззастенчивого разглядыва-

ния спутника и прислушалась к нему. Надо было ответить хоть что-то, любую глупость, не молчать, только не молчать!

– Ну что ты мне втираешь? – заорала Марина, наклоняясь к его лицу низко-низко, чтобы он услышал ее в нарастающем шуме ночного клуба. – Азиаты – возможно красивые, талантливые, но и все!

– Что все? – кричал в ответ Арат, удивленно расширив глаза и изогнув брови.

– Маленькое у вас там все! – демонически захохотала Маринка, ее вдруг разобрало безудержное хмельное веселье. Захотелось уязвить, поставить на место этого представителя тысячелетней истории! Хотя бы за этикетку на коле. – Говорят, что едва ли длиннее мизинца! – и показала мизинец, чтобы он точно не промахнулся.

– Враньё! – опешил Арат, забавно округляя глаза. – Я тоже азиат! Все у меня нормальное! И... явно больше мизинца, еще час назад было точно.

– Докажешь?

– В каком смысле?

– Ну, покажи, какое у тебя там «нормальное». Может, это только ты так считаешь, а там с гулькин нос тех достоинств?

Сюр какой-то! Разговор об искусстве явно вышел на новый уровень.

Арат скрипнул зубами, огляделся и, схватив Марину за руку, сдернул ее с высокого стула.

– Э-э-э, куда? – только и успела пискнуть она.

– На смотрины, хотела же ты доказательств? – осипшим вдруг голосом ответил он ей в ухо.

Девушка едва успевала перебирать ногами. Внезапно осмелевший парень затолкал ее в туалет, защелкнул за собой замок и с решительным видом взялся за пряжку брючного ремня. Марина от такой наглости даже чуть протрезвела, пытаясь оценить происходившее. Впрочем, даже в таком состоянии она понимала, что дело тут не в алкоголе. Она была пьяна, но не коктейль тому виной.

Это снег виноват.

– Ну давай, показывай, что там у тебя за добро, – оскалилась уверенная, что Арат блефует. – Или нечем похвастаться, парень?

Арат прищурился так, что узкие черные глаза превратились в щелки, разметал одним движением ленту ремня и чиркнул молнией, стягивая джинсы вместе с трусами. Он отлично знал: похвастать ему было чем, тем более что это его «добро» давно о себе напоминало, давя на ширинку и разум.

Виной ли тому был двойной виски или удивительные красота и напор его спутницы – трудно сказать, но перед любопытным взором Марины предстал внушительный во всех отношениях предмет мужской гордости. Очень красивый и невероятно возбуждающий.

Девушка замерла, широко раскрыв глаза и склонив голову набок. Облизнула пересохшие губы, отчего и без того ноющий аргумент в пользу его мужских качеств возмущенно

дернулся в ответ.

– А-а-а... – выдавила из себя она. – Он странный.

– Он обрезанный, – спокойно ответил Арат. – Посмотрела? Можно убирать? Или на пяточках попрыгать для убедительности?

– А-а-а... ладно.

Он так и не понял, чем было ее «ладно» – дозволением одеться или согласием с фактом обрезания, но на всякий случай натянул джинсы, не обращая внимания на отчаянное сопротивление возмущенного бесцеремонным обращением органа.

Марина подозрительно притихла и выглядела немного подавленной. Оставалось лишь надеяться, что он не слишком ее напугал... или хотя бы не разочаровал.

В полном молчании они вышли из туалета, вызвав недоуменный взгляд стоявшего у его двери парня.

– Тут становится тесновато, – сказала Марина, беспомощно обводя взглядом зал клуба, нашпигованный толпой посетителей.

Ночь была в самом разгаре, гости танцевали все откровеннее, очаровательный уют заведения стремительно растворялся. Снова стало холодно. Поежилась зябко. Вздохнула.

– Мне, наверное, пора. У меня завтра трудный день, очень ответственные съемки.

– В воскресенье?

– Ну да, я же модель. А в воскресенье как раз ни учебы, ни работы. Могу хоть весь день...

– Понятно. Я провожу, тебе далеко?

Она замялась. Садиться ночью в такую погоду на весла было самоубийством, а больше идти ей было некуда.

– Я, наверное, в машине переночую. Она недалеко тут, провожать не надо.

– Выдумала тоже. Тебя отправят в полицию, оштрафуют и сдадут в ночлежку. И вместо съемок ты проведешь там сорок восемь часов. Что за тяга к приключениям? Документы с собой? Идем, тут недалеко есть уютный хостел на десятой улице Ист-Вилледж. Я закажу место и провожу тебя, пять минут, – он достал из кармана телефон и отвернулся.

– Раскомандовался! – она просто не знала, что сказать. Хотелось потрогать этого мужчину и убедиться, что он настоящий. Просто обычный монгол с увесистым... кхм, достоинством, вдруг взявшийся решать ее проблемы. Сказка?

– Монгольские мужчины называют это простым словом: «забота». Хайртай хүнээ халамжилдаг (*забота о любимой женщине), Марина. Привыкай.

И зачем ей привыкать? А! Подумает после.

2. Джек-Пот

Целоваться они начали уже – еще – на улице. Просто он говорил ей про хостел, про то, что пару раз здесь ночевал, и все было очень прилично, а она останавливалась и смотрела на его рот так пристально, что сбивала с мысли, и Арат начинал заикаться. А еще она зябко запахивала ворот пиджака, явно замерзая в эту странную снежную ночь. Ему же сейчас было так жарко, что он не задумываясь отдал бы ей свой свитер. Только под ним даже майки не было, он любил ощущать на голой коже грубую шерсть его вязки, и Арат справедливо подозревал, что полуголый мужчина не вызовет восторга у прохожих Манхэттена. Вот Марина снова споткнулась на своих дурацких каблуках, вот он поймал ее в свои объятия, а после – темнота и ее горячие губы на его губах. Он так и не понял, кто первый из них сделал это. Хотелось бы думать, что он, но, возможно, нет. А вот Марина точно знала, что это она, сходящая с ума от своих порочных мыслей, буквально нырнула в его руки и поймала губами его рот. Ей казалось: умрет, если не коснется его. После такой демонстрации мысли были только об одном. И он не подвел, не ускользнул от нее, напротив, крепко обхватил ладонями ее лицо – так, что она сразу поняла: попалась. Пил ее, пахнущую снегом и тем самым «Востоком», захлебываясь от жажды, от мучительно накрывшего их безумия. Она закинула руки ему на

шею, прильнула всем телом, цепляясь пальцами за колючую шерсть свитера. Так остро и терпко! До хостела было еще два квартала, а они уже едва держались на ногах.

Как сильно Арат сожалел, что он не в степи и под ним нет коня! Закинуть бы эту женщину в седло, увезти в свой гэр и... да, во всех позах и всю ночь. Может, даже всю долгую жизнь. В ушах шумело. Сердце колотилось о грудную клетку так громко, что, казалось, жители всей округи должны были слышать этот гул, этот грохот.

Они почти бежали, а потом замирали посередине улицы и снова жадно, иступленно целовались, боясь хоть на миг оторваться друг от друга.

Вопреки первоначальному плану (просто взять место в хостеле, уложить Марину спать и благородно удалиться) Арат обнаружил, что выкупил весь номер, заплатив сразу за четыре места. Заметила ли она?

– Третья комната, – хрипло сказал Арат, разом растеряв все свое красноречие. Думать он не мог больше уже ни о чем. Вообще не мог думать.

Взял Марину за руку, поражаясь, как может ударить током от одного лишь сплетения пальцев, потянул за собой... едва закрыв дверь, прижал ее, впечатывая в стену всем телом. Трогая жадно, открывая ладонями все выпуклости и впадины рельефа этого нового мира, горячего, как солнце. Какая там кровать! Марина без поддержки стоять уже не могла, повисла на нем, отвечая, с готовностью, подставляя губы, ще-

ки, шею под его жаркие поцелуи. Все, на что ей хватило сейчас сил и воли – запустить озябшие ладони под его колючий свитер, обжигаясь, задыхаясь от жажды близости. Он задирает ее юбку, а она, ломая ногти, расстегивала ремень его джинсов так нетерпеливо, будто хотела его разорвать. И вернуть себе то, что ей только показали. Меньше часа назад. Подразнили и не дали.

– Презерватив, – ворвался в ее сознание встревоженный голос.

– Что?

– Я не готов, не ношу их в кармане на каждой прогулке.

– Я на таблетках, – выдохнула Марина, стягивая с него свитер и откидывая в сторону. Гладкое тело под ее пальцами вздрагивало и покрывалось мурашками.

Ненормальная? Неразборчивая? Глупая? Он поймал ее взгляд и увидел: просто доверяет. Ему. Здесь и сейчас – ему одному. Странно, дико, головокружительно. Беззащитно. Невероятно возбуждающе.

– Ух!

Он подхватил ее под бедра, заставляя обвить его талию ногами, и вошел одним точным движением так складно, словно давно примерялся, а может, мечтал... Будто кинжал в ножны. Толчок – удар. Жалобный стон, она – жертва. Запрокинутая голова. Губа, в кровь и мясо искусанная. Еще толчок. Она билась в агонии у него на руках, умирая от желания и страсти. Рычание, ходящая ходуном грудь, ее пальцы, впи-

вающиеся в плечи. Полукруглые следы от ногтей на плечах, на спине и на шее. Он замирает, весь дрожа от напряжения, от дичайшего желания прямо сейчас потерять контроль над собой, отпустить себя, сдаться, сгореть, покоряя вершину, что всего уже в паре рывков, заглядывает ей в лицо и вдруг понимает, что в этом омуте их двое. Ей тоже осталось лишь мгновение, как последний шаг над обрывом. И снова ослепительно-красивая. Приоткрытые яркие губы, затуманенные глаза, и на лице такое удивление и восторг, словно она впервые узнала о наслаждении в руках у мужчины.

Марина попыталась сфокусировать взгляд, не понимая, почему он замер, застыл? Она делает что-то не так? Слишком жадная, слишком смелая? Ну и пусть! Такого накала страстей в ее жизни еще не было. Хотелось запомнить каждую секунду этой их сказки, случайной, безумной. Потянулась губами, трогая нежно шею, проложив тонкую тропинку за ухом, прикусив тугую мочку, прошептала: «Прекрасен!».

Почему это слово? Не знала. Просто вырвалось бездумно. Оно стало словно рубильником, замкнувшим цепь освещения в темной комнате. Он сразу проснулся. Рывок как удар, как яркая вспышка, движения быстрые, словно они убежали куда-то. Снова удар и полет не то вниз, в пропасть, не то вверх, к звездам. Оторвались, расправили крылья. Крича и рыча, до секунды во всем совпадая. Вместе.

Не помогло. Спустя уже только минуты Арат с отчаянием понимал, как ему ее мало. Полученное удовольствие было

скорее эмоциональным, чем физическим. При всей остроте ощущений и чувств, при всем этом полете он был по-прежнему голоден. Алкал и жаждал. Пожалуй, это было даже жестоко: как путника в пустыне сбрызнуть дождем. Ему теперь хотелось выпить ее до дна, как драгоценный сосуд полный восхитительно чистой воды, живой и такой ему нужной.

Совершенно иначе: осторожно раздевать ее, рассматривать, целовать шею, ключицы, сгибы рук, колени. Свершить этот древний, как сама жизнь, мужской ритуал по приручению женской души и тела. Пусть даже сейчас он получит лишь ее тело. Но каждый мужчина знает: после слияния тел может открыться лазейка и в женскую душу.

Марина сползла по стене – расплетенная коса, соблазнительно припухшие губы, задранный юбка, пояс с чулками на застежках, разорванными в клочья. И когда он успел? Трусик-ки сиротливой полоской цепляются за самую восхитительную из виденных им когда-либо женских лодыжек. Арат рассматривал ее, сам себе не веря. Он был с ней, словно мальчишка. Думал лишь об одном, не помня себя, оскверняя ее совершенство этим приступом лютого голода. Так руками едят дикари за столами на высоких приемах, облизывая пальцы и грызя ножку окорока над набором из восьми серебряных вилок. Как мальчишка, он рядом с ней был как мальчишка. Стремительно деградировал, не имея ни воли, ни мыслей. О чем только думал... Думал? Да он вообще не думал. Как стыдно! Она имела полное право брезгливо усмех-

нуться, одеться и уйти. Он бы все понял. И остановить не посмел бы. Молокосос. Что он тут наделал?

Но Марина приоткрыла сначала один глаз, потом другой, с явным удовольствием разглядывая стоящего перед ней мужчину. Было на что посмотреть: обнаженный до самых колен, он стоял, напряжен и натянут. Возбужден так явно, так порочно, словно и не было тут ничего между ними. Красив, как воплощение чистой страсти. Ей неукротимо хотелось потрогать эту бархатистую смуглую кожу. Эту сеточку вен на горячей плоти, качнувшейся навстречу ее тонким белым пальцам. Горячий литой живот, как будто весь из светлой бронзы. Темную дорожку коротких волос, указывающую вниз, в тень того, что сегодня она и увидела, и ощутила. Еще ниже – увесистый темный мешочек, крупный, тяжелый. Никогда еще Марина так близко не видела ни одного возбужденного мужчину. Провела ладонью между ног, покачнув его рукой и вызвав встречный тихий вздох. Он стоял, замерев. Ждал чего-то?

В лицо посмотреть Марина ужасно боялась. Что он о ней сейчас думает? Ей ведь должно быть стыдно? Но стыдно не было. Все равно утром они расстанутся навсегда, а сегодня... а сегодня ей можно все. Он ведь ничего, кроме имени, о ней не знает. Никому не расскажет.

Тяжелый ствол под пальцами едва ли не гудел, тревожно толкаясь в ее ладонь. Еле слышный вздох, мужская рука, осторожно опустившись на ее волосы, зарылась пальцами в

светлую гриву, легкое движение бедер ей навстречу недвусмысленно давало понять, что Арат вовсе не против ее откровенных исследований.

Она снова пробежала пальцами по налитой кровью вертикали, обвела упругую головку, провела подушечками по набухшим венам, не упуская из вида ни одну неровность. Мысленно призналась себе, что такого красивого мужского достоинства она и представить себе не могла. Ей и в голову не приходило искать прекрасное в таком... необычном месте. Тем паче с наслаждением разглядывать и прикасаться. Марину всегда возбуждала красота. Но впервые в жизни вот так возбуждала такая вот красота, горячо пульсирующая в ее руке.

Хотя, говоря откровенно, опытной Марину назвать было сложно. Первый голый мужчина в ее жизни боялся ее почти так же, как она его. Мучительно справившись с бронированной, по ее ощущениям, девственностью, несчастный одноклассник так испугался, что сам закончить не смог совсем, и больше она его никогда не видела.

А Георг... За всю эту историю с этим, в общем, неплохим мужчиной ей было стыдно. И разглядывать его особенно не хотелось. Всегда с закрытыми глазами, терпеливо ожидая финала. Ей так его хотелось, она так ждала его внимания. А когда наконец дожидалась... получалось все как-то не так. Ощущения были, примерно как от массажа. Приятно и нежно, и все. Словно за ушком почесали. Никаких искр, взры-

вов и страсти. Сегодня такое произошло впервые. И Марина грешным делом себя давно уже сочла фригидной. Ночь с незнакомцем и вовсе была для нее совершеннейшим безумием. Подобного никогда не могло с ней, разумной девочкой, случиться. Но случилось.

– Погоди, – прервал он ее, мягко отстраняясь и стягивая штаны. Марина им снова невольно залюбовалась. Даже такие простые движения были по-звериному грациозны. – Иди ко мне.

Наклонился, поставил вдруг на ноги и снял с нее пиджак, потом стянул эту узкую юбку, оставив Марину в шелковой блузке на пуговицах и чулках. Лифчика под блузкой не было, и заострившиеся соски предательски просвечивали сквозь шелк. Эту блузку можно было носить только с пиджаком, да...

Мужчина потрясенно замер от подобного зрелища, осторожно касаясь острых кончиков ее груди костяшками пальцев, быстро облизнул губы, потом аккуратно расстегнул первую пуговку. Разворачивал, словно ребенок конфету. Медленно, с наслаждением. В ожидании праздника.

Марина больше не боялась смотреть ему прямо в лицо. Ей, неопытной в делах страсти девочке, стоило только бросить лишь взгляд и понять: Арата тоже нещадно штормило. Враз накрыло обоих, словно бы их опоили одним и тем же страшным ядом.

Его глаза полыхали черным огнем, завораживающе и вол-

шебно. Губы вздрагивали, словно мечтая о поцелуе. Они нырнули вслед за пальцами в пропасть расстегнутой блузки – тёплые, трепетные, чуткие. Те самые, что лишь минуты назад сминали ее рот с такой силой и жадностью, что оставляли за собой металлический привкус крови.

– Маш үзэсгэлэнтэй (*такая красивая), – шепчет Арат словно в полузабытьи, и Марина жмурится от звучащего в его голосе благоговения. Ей не нужен переводчик, чтобы ощутить всю ту нежность, которую Арат сейчас готов ей подарить. И ей вдруг кажется, что эта нежность гораздо слаще, гораздо интимнее, чем самая жгучая страсть и самый яркий оргазм.

Расстегнув ее всю, до конца, распахнул и шумно выдохнул: "О-о-о!" – так громко и искренне, как кладоискатель, нашедший сокровище всей своей жизни. Да, перед ней был мужчина, смотревший на ее обнаженную грудь, на живот глазами полными восхищения и желания. Столько страсти в его взгляде! А прикоснулся к холмику ее груди легко, очень робко, самыми кончиками пальцев. Как будто не верил в ее реальность. Безумно приятно и... мало. Только что Марина сама его так изучала – едва дыша. Теперь была очередь Арата. Девушка накрыла его пальцы ладонью, прижала к груди и громко, со стоном вздохнула. Он понял мгновенно. Ему дали карт-бланш. Тут, сегодня. Выпал джек-пот. От такого отказываются лишь идиоты. Подхватил ее на руки, вспомнив о существовании в этом мире кроватей. Играем на все.

Говорят, будто снег в октябре выпал в Нью-Йорке впервые. Все когда-то впервые случается. Так и у них.

3. Крейсер Аврора

Утро наступило слишком быстро. Только закрыла глаза, а потом – солнце в окна и никакого следа от снега. Марина сграбастала с тумбочки телефон, взглянула на время и с воплем подскочила. Надо торопиться, если она планирует все же успеть на съемки. Вот только обязательно нужно переодеться, и без того после ночи в машине одежда была несвежей, а уж после вчерашнего... И чулки – вдрызг. В клочья.

– Далеко собралась? – ровно спросил Арат, развалившийся на кровати и явно никуда не спешащий.

– Домой, – фыркнула Марина, подпрыгивая, чтобы влезть в узкую юбку. – А ты что думал?

– Куда «домой»? – спросил парень, спокойно садясь. – На яхту?

А когда это она успела ему рассказать? Собиралась ведь утром сбежать навсегда, но проспала. Впрочем, не удивительно, после такой-то ночи!

– Да.

– Там еще высокая волна.

– И что?

– И ничего. Я отвезу.

– На яхту? – уточнила Марина и, дождавшись кивка, ответила. – Как хочешь.

– Вот именно, мне нравится, когда ты так отвечаешь, –

непонятно ответил Арат, неторопливо поднимаясь. Марина невольно засмотрелась на него, а он, заметив, приосанился и трусы натягивал медленно, демонстрируя то самое, так интересовавшее ее вчера место. И вчера, и всю ночь, и сегодня утром. Много раз интересовавшее.

Девушка отвернулась, прикусив губу. Как же все глупо... и странно... и вообще не с ней это произошло! До сих пор в ее жизни все шло по расписанию, в канву которого Марина старательно укладывала все происходившие с ней события, аккуратно и четко, как Георгу нравилось. А вчера... Это все снег, словно пламенный привет из безумной и неправильной России. Непредсказуемой, бесшабашной.

Арат подошел к ней со спины, поправляя ворот пиджака, и неожиданно прильнул ртом к изгибу шеи. Марина пошатнулась, едва сдержав стон.

И человек этот, принесенный в ее жизнь снежным вихрем, действует на нее неправильно. Нельзя ведь возбуждаться до полного безволия, до слабости в коленях от одного только поцелуя в шею! Так быть не должно! А хотелось еще и еще.

Ничего не сказала, только молча сунула ноги в туфли, сразу становясь на полголовы выше его. Подхватила сумку, вышла первая. На улице было промозгло и мокро после вчерашнего шторма.

Марина подставила лицо свежему ветру, радуясь, что он охлаждает пылающие щеки. Ей нужен был этот холод. Арат шел чуть сзади, не то украдкой любуясь девушкой, не то стес-

няясь ее. Она и утром оставалась невероятно красивой, светлой, словно сказочная Снегурочка. А еще она высокая и, как он вчера узнал из ее болтовни, известная модель, лицо крупной компании. И кто он – обычный человек, азиат, коих миллиарды. Темное пятно рядом с солнечным зайчиком.

До причала пошли пешком, девушка отдала ему ключи от швартовного замка и просто стояла, глядя на то, как молодой мужчина неторопливо, но уверенно расчехлял лодку, собирал весла, протирал от протекшей внутрь воды лавочки. Все это он делал так складно, что Марина снова невольно им залюбовалась. Вспомнила! Весь вечер вчера она гадала, на кого же похож ее новый знакомый. На соболя он похож! Отважный маленький хищник, ловкий, гордый и смелый. Она же художник, она вот так его видит.

Закончив, Арат подался к пирсу, протянув ей руку. Она отважно оперлась на нее и прыгнула, словно Арат делал так уже множество раз, ни секунды не сомневаясь в том, что он сможет ее удержать. Как быстро она начала доверять этому парню!

Он ошвартовался, быстро руля веслами, и направил маленькое судно в сторону яхты, куда Марина махнула рукой. Взмах весел – и они полетели. Она любовалась им весь этот их стремительный путь. Сама Марина, ежедневно преодолевающая путь от яхты к причалу, выглядела хоть и значительно увереннее, чем еще пару месяцев назад, но все равно, как тот заяц с веслами. Была у нее такая игрушка в детстве, куп-

ленная отцом в валютном магазине: меховой заяц, вклеенный в лодку, махавший механическими веслами в воздухе. Так забавно...

А мужчина в ее лодке выглядел, как стальная пружина, опасно сжатая до упора. Все движения выверены, каждое – произведение искусства. Опытный. Да, именно так. Отчего-то все его действия: от протянутой ей из сумрака Манхэттена руки до последнего взмаха весла у бока ее яхты – все вызывало у нее прямо-таки щенячий восторг.

«Пора бы уже протрезветь, Марина! Где вообще твои мозги?»

Она привычно скинула свои туфли и вскарабкалась на борт «Крейсера Авроры». Арат принял лодку и легко поднялся следом.

– А ничего у тебя тут, уютненько, – пробормотал он, оглядываясь. – Можно осмотреться?

– Да конечно, – машинально кивнула Марина. – Будь как дома.

Мысленно усмехнулась: «Дома». Прошла босиком по палубе, на которой после шторма оставались щепки, водоросли и осколки раковин, спустилась на нижнюю палубу, ощущая затылком его присутствие. Включила питание судна. Где-то глубоко внизу уютно загудел генератор. Включился свет, яхта ожила, зашипели насосы, откачивающие затекшую за шторм воду, запищали датчики зарядников.

Не оглядываясь, почти бегом двинулась в сторону своей

каюты. Личной, в недра которой не допускался никогда даже Георг.

Арат шел за ней. Как привязанный. Завороженный ее грацией, покачиванием бедер, обтянутых до откровения узкой юбкой. Не мог не идти. Лукавый взгляд через плечо – и он сглатывает, стягивая свитер и роняя его на пол.

Марина старательно не замечала его, стуча зубами от холода, только дверь оставила открытой – вот так, приглашающе. Пыталась вести себя непринужденно и естественно, хотя всем телом ощущала его взгляд. Не испачкать бы белоснежный ковер – на химчистку денег сейчас нет, а сама Марина ковры чистить не то чтобы не умела, просто не хотела совершенно, поэтому она пробежала на носочках вдоль стены, стягивая пиджак и небрежно швыряя туфли на пол, забежала в душевую прямо в одежде и тут же включила горячую воду, только сейчас понимая, как сильно замерзла. Буквально через мгновение в душевой стало очень тесно – молодой мужчина шагнул за ней, закрыл стеклянные двери и сразу принялся задираť узкую юбку своими красивыми и сильными руками. Застонала, отчетливо представляя его резные пальцы на своей коже. Кисти этих мужских рук хотелось рисовать, лепить из глины. Сильные, нежные, чуткие. Прижалась к нему всем телом, отталкиваясь руками от холодной стены.

Арат принялся целовать ее шею, порывисто задирая уже мокрую насквозь шелковую блузку. Сверху на них текла вода, не то горячая, как лава, не то ледяная, как снег Арктики.

Марина ни за что бы не смогла определить ее температуру. Мужские руки, крепко стиснувшие грудь, обжигающе-горячий живот, прижимающийся к ее озябшим ягодицам, тяжелое дыхание – все это сводило с ума, возбуждало до того предела, за которым уже не оставалось место сомнениям – только для желания, древнего, как мир.

– Быстрее, – выдохнула она нервно, прогибаясь в пояснице, чтобы полнее ощутить его готовность продолжить прямо здесь и сейчас.

– Быстрее «что»? – хрипло спросил Арат, скользя пальцами вниз и замирая на границе кожи и тонкой ткани трусиков.

– Быстрее все, – простонала Марина не в силах больше тянуть. Ей казалось, что если сейчас он не возьмет ее, она просто сгорит в собственном пламени.

– Совсем все? – усмехнулся он прямо ей в шею и, не дожидаясь ответа, одним сильным движением сдернул с нее белье. Джинсы он расстегнул с какой-то уж совершенно немыслимой скоростью.

Одно глубокое плавное движение, и с губ Марины срывается вибрирующее и низкое, совершенно кошачье мурлыканье.

Арат пытался быть медленным, нежным, но она не дала. Подалась бедрами навстречу, ударяясь ягодицами о его живот, откровенно застонав, выгнулась звериной дугой. Самообладание? О чем вы! Когда женщина творит такое под мужчиной, даже у стороннего зрителя не останется и толики са-

мообладания. Отбросив последние крохи выдержки, он судорожно сжимает ее, вбиваясь в такое сладкое тело, прикусывает тонкую кожу на плече, оставляет россыпь засосов. Разрядка, как удар молнии, накрывает их одновременно и до обидного быстро. Как волна, от которой не убежать. Марина и не знала, что бывает так: когда не остановиться, не спрятаться.

Странное, незнакомое ощущение. Она вдруг отчетливо поняла, что определение «подходят друг другу» – это не метафора. Он ей подходил, как хитроумный ключ к замку с секретом. Только вошел, повернулся, что-то щелкнуло, и стальная дверь, закрытая от всех других мужчин, вдруг открылась.

Ее личный ключ. Ее Соболев.

– Я весь промок, совершенно, – деловито сообщил Арат, выключая душ и быстро раздеваясь догола абсолютно безо всякого смущения. – Надо сушить. Мне так походить пока или дашь переодеться?

– Халат есть, – вспоминала Марина, разглядывая его обнаженное тело с какой-то хмельной улыбкой.

– Чей? – уточнил очень тихо.

– Могу мой дать.

– Давай.

Белоснежный махровый халат на широких плечах Арата не сошелся, оставив обнаженной широкую полосу от шеи и ниже, но его это совсем не волновало. Он кое-как подвязал

это безобразия поясом, а потом поинтересовался:

– А кофе на твоей чудо-посудине есть? А хлеб?

– И кофе, и хлеб, и яйца, – встrepенулась Марина.

– Отлично. Тогда я приготовлю завтрак. Сиди, женщина, отдыхай. *Миний хайр*.

4. Утро похмельное

Арат великолепно готовил. Сама Марина даже не думала тратить время на подобную ерунду, а он, едва поворачиваясь в крошечном камбузе, творил чудеса, что-то отмеряя, перемешивая, взбивая... Интересно, сколько еще секретов в этом мужчине, сколько граней? И точно ли она хочет знать их все?

Он решил приготовить традиционные американские панкейки – нечто среднее между оладьями и блинами, что пеклись на кукурузной муке и без масла. Арат мог за полчаса испечь целую гору этих золотистых лепешек. К ним подавался сладкий соус из мороженого и фруктов. За неимением блендера все приходилось взбивать изящной длинной вилкой. Были у него еще планы на омлет с сыром и сосисками, салат и свежавыжатый сок, но выжать сок можно было только кулаками. Да и вообще у Марины было совсем грустно с продуктами. Чудо, что яйца и мука нашлись! Зато мороженого в морозилке было несколько брикетов, что Арата весьма вдохновило.

Он вообще любил сладкое, и Марина смеялась, видя, что в его тарелке мороженого едва ли не больше, чем панкейков.

Сама она ограничилась парой ложек. Ей больше и не нужно – и без того она слишком часто злоупотребляет фастфудом. Фигура для нее – инструмент, как кисть для художника, как лопата для могильщика. Нужно блюсти себя. А ему можно, конечно – он худой, хоть и спортивный.

Вместо сока пришлось довольствоваться кофе.

– Малыш, тебе американо или по-американски?

Малыш. Она – Малыш. Да Марина ростом чуть выше него! И пусть веса и силушки в ней явно меньше, но вот «Малышом» себя Марина не ощущала совершенно. Подняла взгляд, до этого момента прикованный к волшебству, происходящему на ее кухне (до чего ж он хорош – такой увлеченный, сосредоточенный), столкнулась с глазами Арата. Он смотрел на нее так... нежно, как на младенца, сосущего палец. Да. Она для него – Малыш. Согласна.

Смущенно Марина отвела глаза, делая вид, что ее ужасно интересует именно кофе, а не его тело, темнеющее в разрезе халата.

– А? Ты шутишь так, это шутка юмора?

– Это твоя неосведомленность. Американо – это слабенькое нечто, заваренное кипятком. Соединив горячую воду и сорт Бонджорно Эспрессо, мы получаем американо.

– А по-американски? – ее разбирал смех.

Арат во всем искал глубокий смысл. Совсем не так, как Георг – тот искал целесообразность. А монгол – зерно. Смысл. Ядро процесса. Пытливый у него был ум и удиви-

тельная память.

– Истинный эликсир бодрости, так любимый янки, варится. И варится с фильтром. Целостность напитка сохраняется дольше, и вкус гораздо лучше. В кофе по-американски, кстати, кофеина больше, чем в стандартном стакане американо. Это два совершенно разных напитка.

– Ого. Убедил. Хочу чаю.

У него было такое озадаченное лицо, что Марина не выдержала, соскочив со стула, подлетела к своему «шеф-повару», обняла, взъерошив непокорные темные волосы, поцеловала в висок.

Просто маленькая шалость. В ответ ощутила молниеносное напряжение. Ее невероятно вдохновляла это его манера возбуждаться от одного лишь ее прикосновения. Казалось, он пружина. Стоит к нему притронуться – тут же сжимается, как перед прыжком. И глаза его уже черные, бездонные. Ноздри трепещут, движения становятся медленными, будто он пригласит сейчас ее на танец. Не хватает лишь музыки. Повернулся к ней, снова полыхнул ноздрями.

Поцелуй. Дразнящий такой, как приманка. И она попала. Тут же, не раздумывая – как глупая курица в петлю – прыг и затрепыхала крыльями в сильных руках.

Да гори он огнем, этот... кофе по-американски.

***

Марина лежала на смятых простынях, не в силах пошевелиться. Она не знала, что так можно – до дрожания мышц, до

изнеможения. В душе шумела вода. У Арата еще были силы подниматься с постели. Она ему завидовала.

Прикусив губу, она провела пальцем по экрану смартфона и виновато взглянула на время. Агент сожрет ее с потрохами за прогул. Но внезапно providение оказалось к ней милостиво. Чудеса продолжались: «Алекс срочно уехал на новый проект, на три дня все свободны».

Три дня! У нее есть еще целых три дня! И откуда только силы взялись? Девушка вскочила, кидая телефон на полку, и как была обнаженная заскочила в душевую. Прижалась к мокрому Арату со спины, выхватила у него мыло и принялась водить руками по груди и животу, ощупывая, наслаждаясь каждым прикосновением.

– Ты же только что уверяла, что не можешь больше, – дрогнувшим голосом напомнил монгол. – А теперь что творишь?

– А что я творю? – лукаво улыбалась Марина, мыльными пальцами скользя к его паху и убеждаясь, что Арат вполне отдохнул.

– Соблазняешь.

– Я? Быть не может такого! – она смеялась, понимая, что этот мужчина хочет ее так же сильно, как она. В любое время. Не по расписанию. Это было странно и очень захватывающе.

– Очень даже может, – он решительно отстраняется, смывает с себя мыльную пену и подхватывает Марину под бедра,

перекидывая через плечо. – Можешь себе записать: я «был стоек и... тверд, величав был и грозен» * (И. Бунин)

– Ай! Ты меня же уронишь сейчас! – а внутри словно пузырьки шампанского взрывались: весело, возбуждающе и игриво.

– Обязательно уроню. Много раз, и вот прямо сейчас начинаю.

Голова закружилась: он не просто ее нес в каюту, он кружил, подхватывая на руки, перекидывая на другое плечо, как жонглер в цирке играет булавами. Хохоча и брыкаясь, Марина цеплялась за мокрые плечи, сама мокрая вся, скользкая. Упасть не боялась: стоило ей только начать ускользать, он ловил и подбрасывал. Чистая акробатика. Она не веселилась так... с детства, кажется. С того момента, как отец ее катал на качелях. Нет, пожалуй, еще было весело с Лизой, когда они втихаря и вдвоем утащили у отца его катер и гоняли по заливу, распугивая рыбаков. Как давно это было...

Упали на кровать, все еще мокрые, радостные, счастливые, как дети.

– А ты правда «стойк», – возбужденный и мокрый, он был похож на Анапа – юного речного бога у древних греков.

– Только голоден невероятно, я, кажется, съел бы и локти*. (монгольская поговорка)

– Предлагаю себя на второе.

– Согласен только на десерт, хочу в шоколаде, – совершенно звериным движением он сделал бросок ей навстречу,

одновременно толчком опрокинув ее на живот.

Замерла, предвкушая. Горячее дыхание в волосах, двумя руками отведенные с шеи, легкий укус в плечо, длинное и влажное движение языка.

– Очень сладко. А я ведь – сластена.

– Я уже знаю.

Тихо фыркает ей в спину. Щекочет, выводя дорожки из поцелуев, нежно и будоражаще касаясь зубами, словно и в самом деле лесной зверь. Трепетные пальцы рисуют причудливые орнаменты на ягодицах. О, в такие игры Марина готова играть вечно. Ниже, еще ниже... быстрее, все острее и слаще. От его касаний по коже бегут мурашки. Он ласкает ее всей горячей плоскостью ладоней, слово разгоняя по телу огонь возбуждения. У него это получается мастерски: несколько минут спустя Марина не помнит себя, извивается, стонет, кусает подушку, призывно выгибая поясницу и раздвигая ноги. Он лишь тихо смеется, только слегка задевая острыми зубами самые чувственные точки.

– Я сейчас просто растаю как то мороженное. Иди ко мне. В меня.

Когда мужчина мог отказаться от такого приглашения? Не бывало такого.

Подозревала ли она, что Арат лишь старался казаться выдержанным? После ее слов его снова повело как мальчишку. Ворвался в ее тело, не желающий, не способный себя контролировать, останавливать, даже тормозить. Ругался про себя,

радуясь хотя бы тому, что их накрывало обоим. Охваченные телесным голодом, они срывали все стоп-краны, нарушали все запреты, сходили с ума и хмелели. Просто от прикосновений. От запахов. От невинных поцелуев. Захлебываясь друг другом, теряясь и пропадая.

Оба – голодающие.

– Тебя не потеряли на съемках? – его тихий голос вывел Марину из состояния полузабытья расслабленного, удовлетворенного.

Надо же. Вспомнил. Так странно.

Она лежала поперек кровати и разглядывала кисть красивой и смуглой руки у себя на груди. Круглые ногти, сильные пальцы. Сетка вен, крепкое запястье. Хотелось их гладить, целовать. Не стала отказывать себе в этом удовольствии. Марина твердо решила позволить себе все, что только желала. Во сне можно все.

– Я как раз шла тебе рассказать. Не успела, – смешок прямо в плечо. – У меня целых три дня выходных от съемок. Могу взять еще пару дней на работе, там накопились переработки. И я абсолютно свободна до среды. Хочешь?

– Ого. Три дня! Это мысль. Я сегодня все разгребу – и я весь твой. Предлагаю заказать еду и пожить тут три дня – Робинзонами Крузо.

– Я тогда Пятница?

– Исключено. Сразу два Робинзона ужасно голодных, на меньшее я не согласен. Пойдем.

Они вышли в маленький камбуз. Марина вдруг обнаружила, что с трудом стоит на ногах, доковылять смогла только до табуретки, поймав на себе самодовольный взгляд Арата. Что ж, он имел на этот взгляд полное право. То, что он делал с ней – волшебство.

– Да, на острове нашем пустынно, – беглая ревизия ее нехитрых запасов его, похоже, расстроила.

– Ну, как бы мы, туземцы, народ бестолковый. Придется погрызть зерна кофе?

Марине не хотелось решать проблемы сейчас – вообще никакие. Хотелось упасть снова на кровать и шевелиться поменьше.

– Да я понял. Придется мне выйти в тайгу на охоту.

– Тут пальмы. Я не согласна на елки. Кого ты для меня подстрелишь?

Арат задумчиво посмотрел на часы, потом на Марину.

– Мамонтов пару-другую, пяток динозавров. Слушай. Если я отлучусь на пару часов, ты меня обратнопустишь? Не скинешь обратно в холодную воду с криком: «Он снова меня изнасилуется!»?

– А ты изнасилуешь?

– Строго сытую. Накормлю и тогда обязательно. А ты пока поспишь. Как тебе план, островитянка?

– Восхитительно.

Зачем он подхватил ее на руки? Хотя... пусть уносит.

Как он ушел, Марина даже не помнила. Мелькнуло толь-

ко запоздалое: «А хорошо он освоился!». Сам спустил снова лодку, сам все решил. В сон она провалилась, как в яму.

Проснулась от резкого звука зумма. Вышла в камбуз, подглядывая.

Одной рукой Арат быстро и ловко что-то резал, мешал – пахло вкусно. Звонил телефон, постоянно. Быстро отвечал, часть звонков отбивал. Он смотрелся в этом маленьком пространстве очень органично. Еще искал предметы, но уже отлично освоился. Даже что-то переставил, повесил на полочку зарядник, на столе мерцал текстовыми окнами макбук, вай-фай наушник поблескивал в ухе. Хозяйничал. И Марину отчего-то это совершенно не беспокоило, хотя даже к вторжению Георга она всегда относилась очень ревностно. Может, оттого, что он лишь эпизодический персонаж в книге ее жизни? Три дня и окончание истории? Еще вчера она и не предполагала ее продолжения. Теперь вот утро и три дня. А самое забавное – отпускать ей его не хотелось. Пока не хотелось, что станет дальше, подумает завтра.

Обед был прекрасен, а вот «разгрести дела» у Арата выходило пока не очень. Рычал, прикасаясь к сенсору наушника, что-то низко и уверенно говорил тем, кто его беспокоил, обжигая непривычно-ледяным тоном. Пару раз заперся в душе, рвякая на звонивших на простом и могучем, вполне-таки русском – доходчиво. Марина за час насчитала чуть меньше двадцати звонков на четырех языках.

Безумно хотелось спросить, кто он – ее этот загадочный

гость, узкоглазый парнишка из темного проулка у Таймс-Сквер. Но чем дальше Марина украдкой за ним наблюдала, тем тверже себе говорила сама: история эта – сказка с очень быстрым концом, как танец дельфина и альбатроса в волнах. Красиво, завораживающе, чудо, но без продолжения. Просто короткая радость. Они совершенно не пара.

Скорее, вот, соболю и глупая окапи. Она – высоченная и невообразимо нескладная, неуклюжая. Счастье ещё, что для фотомодели грация, а точнее ее отсутствие, ничего не значит. На фото не видно того, как Марина путается в собственных ногах и руках. А вот манекенщицей ей становиться просто опасно для жизни – обязательно грохнулась бы прямо с подиума вверх ногами.

Он просто дружил с этим миром. И все те злобные тайные враги, что прятались за каждым углом табуретки и всеми косяками этого света, что норовили Марину уронить и ушибить, Арата не обижали. Спортивный, он передвигался с изумительной звериной грацией, точен и ловок – в каждом обычном движении. Он даже есть умудрялся красиво. Без вычурной патетики светского человека, просто, но очень изящно. Не роняя еду на стол, не промахиваясь вилкой мимо рта, как Марина.

Он помнил все ее слова, что были сказаны вслух. А сколько было всего внутри его головы, ей даже представить себе было страшно. Марина мнила себя если не знатоком изобразительных искусств и музыки, но уж точно не полным про-

фаном. До недавнего времени. Среди американских студентов она точно была звездой.

Ох, лучше бы даже рот не пыталась открыть при Арате! Нет, он был готов разговаривать с ней на все темы. В разговоре о простом, прости Господи, чебуреке он засыпал ее таким ворохом фактов о жизни крымских греков, о искусстве древнего Неаполя (в Крыму был Неаполь!), что ей захотелось уползти под стол и больше вообще не произносить ни слова.

Уже не раз и не два она малодушно спрашивала себя, а надо ли было вообще затевать это приключение длиною в три дня? Ведь было бы куда легче распрощаться с Аратом тогда, еще утром, погоревать о нем и забыть? И себе признавалась – увы, не смогла бы. Она грелась рядом с ним, стараясь наобщаться впрок. Насладиться каждым часом. Ей нравилось в нем абсолютно все. Одна в этом натюрморте была только совершенно лишняя деталь – она сама.

Содержанка, обычная, дешевая, практически проститутка, человек низшего сорта. Статус обслуживающего персонала, не больше. Даже если этот парень просто клерк или работник порта – тут таких было множество всюду – пока она сама остается той, чем являлась последних три года, все безнадежно и зыбко.

А ведь Лиза ей многократно говорила, что о связи с Георгом она пожалеет. Но Марина не понимала, что тут такого – все так живут. Ну да, Георг женат. Но она и не претендует на его руку, даже сердце его ей, по сути, уже не нужно. Он –

как яхта. Каково это – быть любовницей миллиардера? Человека, о котором даже в Википедии своя страничка есть? Да не какого-то там обрюзгшего пузатого дядьки, а подтянутого сорокалетнего красавца-мужчины! Статус! К тому же Георг, хоть и был совсем другим, на двести процентов нерусским, но был по-своему внимателен и щедр. Яхту ей подарил – не простую, а построенную специально для нее. Пытался даже дарить драгоценности на все праздники, а она не брала, чтобы не чувствовать, как продается. Иллюзия гордости. Ведь все равно – по контракту.

Вот только сейчас, лежа на плече Арата, Марине почему-то хотелось плакать от стыда.

Арат знал, что у Марины (или у яхты?) есть мужчина. Не мог не заметить ни электрическую бритву в душевой, ни домашнюю мужскую одежду на полке навесного шкафчика.

Но монгол упорно молчал, и Марина молчала. Все это по-нарошку, все мимолетно. Арат исчезнет, а Георг останется. Теперь у нее наступило самое настоящее похмелье. Страшно было до тошноты, до головокружения, а чего или кого она боялась – непонятно. Перемен, наверное, боялась. И себя. И словно для того, чтобы как можно больше взять от Арата, она становилась еще нежнее, еще ласковее, покрывала его сухое мускулистое тело торопливыми поцелуями, сама требуя все больше и больше ласк – и все равно не могла насытиться.

Три дня пролетели слишком быстро. Реальность ускользнула от них, как песчинки в струе песочных часов. Слишком

хорошо было все, слишком сладко. Если бы Арат не сказал, что ему пора, да и ей, собственно говоря, тоже, она бы даже не поняла, что их время уже истекло.

После его слов мир сразу потускнел, стал серым и таким холодным (хотя за бортом ярко сверкало солнце), что девушка даже не нашла в себе смелости спросить, что будет с ними дальше. Он, наконец, оделся, почесал заросший подбородок, закинул на плечо потертый рюкзачок и спустил с палубы лодку. Марина тщательно прятала глаза.

Вчера вечером она наконец-то вспомнила про телефон и поставила его на зарядку, после чего он буквально взорвался уведомлениями. Ее потеряли все: Алекс, куратор в колледже, начальство на работе, сестра, муж сестры, отец...

Никого не хотелось слышать. Тяжко. Словно предавала сейчас кого-то. Да, именно так оно и было.

Арат терпеливо ждал ее в лодке, собранный, серьезный, и весь какой-то погасший. Разглядел он ее, оценил и все понял. Зачем ему такая пустышка, пусть и в профессионально отделанной обертке? Горько.

Украдкой снова она любовалась его руками на веслах, выверенными движениями, будто из камня вырезанным лицом, а сама пряталась от его взгляда за экраном телефона, делая вид, что читает одинаковые и скучные сообщения от всех родственников разом. Трусиха и лгунья.

Едва ступили на берег, как раздался звонок сестры. Арат был рядом: плотно швартовал лодку, разворачивал и крепил

над ней чехол, проверял замки. Развернулась к нему спиной, нажала «ответить».

– Ты рехнулась?!

– Я тоже тебе рада, Лизун. Прости, потеряла зарядник.

– И все? Вот так просто? Мне звонил этот твой.. Алекс, да. Голубой этот твой или кто он там.

– Пангендер.

– Фиолетово. Перепугала ты нас до хомячкового поноса.

– Какого? – она услышала вдруг, что звуки у лодки затихли. Вполоборота повернулась, Арат стоял на причале спиной к ней и отчего-то пристально смотрел на море.

– Ядреного. У тебя все нормально? Где ты была вообще или с кем?

– Или с кем. Потом расскажу все, хорошо?

– Так, стой!

Голос сестры раздался вдруг на весь причал. Нервничающая Марина случайно нажала на включение громкой связи и судорожно пыталась понять, как ее отключить. Мужчина обернулся.

– Давай все потом, Лизун. Меня, кажется, ждут.

Он отрицательно покачал головой. Что это могло означать?

– Кто ждет? Что у тебя произошло? Отвечай!

– Я... – перевела взгляд на окаменевшего Арата. – Я не знаю.

И отключила звонок.

Вот так.

Несколько секунд стояли молча, напряженно смотря друг на друга. Марине отчетливо вдруг увиделось, что между ними растет прочная ледяная стена. Почти Китайская. Еще немного – и больше она его никогда не увидит. Это будет в высшей степени правильно и целесообразно, не так ли?

Шагнула навстречу, он отступил, снова покачав головой.

– Тебя подвезти? У меня тут недалеко машина.

– Нет, спасибо. Предпочитаю ногами. Большой мальчик уже, справлюсь.

– Ты уверен?

Вместо ответа порывисто отвернулся. Сделал шаг от нее. Вздрыгнул, снова вернулся, подлетел, как сокол – стремительно, хищно. Поймал ее за плечи, словно мышь. Такое мужское движение, Марина вмиг ощутила себя трепещущей добычей. На секунду сцепился с ней взглядом и поймал рот губами. Властно, словно метку ставил. Выдохнул в распахнутые ему навстречу губы, не дав ответить, не дав снова сойти с ума:

– Прощай!

Снова развернулся порывом – как ветер. И улетел.

Просто «прощай». Как все просто... Как она и хотела, ведь так же?

Проклятье, как больно.

5. Послевкусие

Арат чувствовал такую пустоту внутри, словно его сердце осталось там, с ней на причале. Он не хотел уходить, не хотел ее оставлять и, испугавшись этих ощущений, силой оторвал себя от Марины.

Девочка поиграла с ним, хватит. Приложила к телу, словно пластырь на больное место, вылечилась и будет. При воспоминании о ее теле стало дурно. Он не был подростком, чтобы возбуждаться от одного вида длинных ног или красивой груди. Давно уже не был. У Арата хватало выдержки и на большие подвиги. Он давно считал себя разумным и хладнокровным. Ему даже нравилось отказывать особенно назойливым женщинам. Нравы Нью-Йорка продиктованы властью денег: плати и бери. Просто и без обязательств. Он мог себе позволить взять половину женщин этого города. Не хотел.

"Ты – последний романтик Запада, Арат!" – говорили ему друзья.

Пусть так. Он не обольщался.

Марина не из тех, кому нужны какие-то чувства и привязанности. К тому же у нее уже есть мужчина, и явно не какой-то убогий азиат ростом ниже ее на полголовы. Он, конечно же, обследовал и вторую каюту, в которой обнаружил пару рубашек и дорогой костюм. Монгол никогда не понимал этого пафоса: просто так носить дорогую одежду. За-

чем? Можно подумать, костюм за пять тысяч долларов умеет сам одеваться, сам чистится и подсказывает хорошие шутки. Дичь. Нет ничего удобнее качественных джинсов и хорошо пошитой обуви. Конечно, на работе он был вынужден носить все эти маски статуса: и дорогие часы, и костюмы. Но дома, в кругу друзей, с любимой? Дикость. А электробритва с сапфировыми лезвиями и гарантией в пятьдесят лет? Этот сноб собирался передать бритву в наследство? Размер мужской одежды и домашней обуви, аккуратно расставленной во встроенном шкафу, одном на две спальни, совершенно недвусмысленно намекал ему: Арат, тебе здесь не место.

Ее мужчина был крепок, строен, высок, богат и аккуратен. Как же Арат его ненавидел!

Не допуская даже мысли о возможности конкурировать, он готов был задушить неведомого противника голыми руками. Забрать свою женщину и увезти домой. В предгорья и степь. Никому и никогда не отдавая.

Нужно было срочно выкинуть все это из головы, отравляющее его, растворяющее. Еще немного, и не останется на этом свете Арата, будут лишь жалкие головешки на пепелище его внезапной и неразделенной любви.

Кинул сообщение друзьям. Кратко и лаконично:

«Мне надо нажраться».

У него были отличные друзья. Самое главное его богатство. Лишь два встречных вопроса:

«Где?» и «Когда?»

И планы на вечер сложились в один плоский пазл.

Ему не задавали вопросов. Виски без льда, на закуску – дольки лимона с солью и красным перцем. Его личное изобретение. Пили молча в маленьком уютном баре с русским владельцем. Давно знакомый бармен лишь взглянул на Арата из-за стойки и молча выставил большую бутылку текилы: «утешительный подарок от заведения».

Видимо, нечто такое читалось на обычно невозмутимом восточном лице, что пора утешать.

– Ты как, Рат? – сокурсник и почти брат Кирюха тоже попал сюда «по работе» сразу после учебы.

– Тебе честно или цензурно?

– Второе, – Кир усмехнулся, наливая себе и всем, сидевшим рядом.

– Тогда молча и не чокаясь.

– Ага. Баба, значит.

Арат пожал плечами. Слишком они хорошо его знают.

– Судя по скорби на лице монгольского народа – красивая баба.

Наморщил нос. Ему не нравилось сочетание прекрасной и лучезарной Марины и плебейского слова «баба».

– Даже так? Ну так женись тогда. Фигня вопрос. Подумаешь, проблема.

– Так она меня и ждет. Не Пенелопа. Да и я – не Одиссей, как видишь.

Он вдруг стал словно еще меньше. Сидел за барной стой-

кой стремительно опьяневший, взъерошенный, словно воробей.

– Ага. Так укради ее тогда. Как там у вас в степи делают? За хвост и об забор... Не, на плечо и в кумыс или как там? Ну, разберешься. Слушай, я тебя не узнаю.

Друг снова по-хозяйски разлил по стаканам напиток. Бармен даже не пытался вмешаться в этот священный ритуал, лишь кивая головой, словно в согласие ко всему сказанному.

– Ты же совершенно недавно, отшив эту... как ее.. не помню, ну, не важно... нам тут вещал про любовь и про свои высокие идеалы. Получил? Так распишись и радуйся, Рат.

– Я рад.

– Оно и видно.

Выпили. Ему было достаточно. Обычно мало хмелеющий, устойчивый к алкоголю Арат стремительно терял контроль над сознанием. Как и хотел.

– Значит так, дорогой друг. Сейчас я вызываю такси, забираю тебя к себе, и не спорь, не хочу завтра вылавливать из Гудзона холодное тело неизвестного монгола. Ты валяешься на коврике всю ночь, можешь даже поблевать – тазик у меня есть. А завтра утром борешься с похмельем и, мучительно его побеждая, решаешь, что тебе делать с твоей долгожданной любовью.

– Угу.

– Так, ребятки, концерт окончен, всем спасибо, труппу я увожу на антракт. Созвонимся.

И больше Арат ничего не помнил. Зачем? Кто такая Марина? Обо всем подумает завтра.

Завтра настало.

– Вставай, боец невидимого фронта.

Кто давал право этому монстру орать прямо в ухо Арату? И где он?

Глаза не спешили открываться, голова распухла, конечно, сти отказывались считать себя руками и ногами. Мироздание, за что ему эти муки! Впервые с ним такое. Даже думать не мог, что приобщится к великой культуре борьбы с похмельем. Бр-р-р!

– Ты там не умер? – Кир был бодр, весел и уже стоял на пороге комнаты с высоким стаканом томатного сока в руке. – Тебя ждут очистительные процедуры. И хотел бы напомнить, рабочий день по случаю похмелья отменить никто не позаботился.

– Лучше бы я умер. Который час?

– Шестой час утра. Ты успеешь принять душ, позавтракать, и не корчись – эта часть процедуры обязательна, поговорить со мной по душам и дожждаться такси. Я сегодня тебе не водитель. Выползай давай из образа брэнного тела, порушенного безответной любовью. Я жду на кухне, у тебя ровно тридцать минут.

– О!

Немыслимо трудно было стащить себя с постели. Голова оказалась пуста, словно воздушный шарик. И это было

очень полезно для его душевного равновесия. Чего не скажешь о физическом. С трудом передвигая ноги, дополз до душа. Благо, все сантехнические удобства находились рядом – волочить тело в туалет было выше всех его сил и возможностей.

Минут десять тупо стоял под ледяным душем. Злился. На себя. Невозможно, неудержимо. Арат чуть было не сбежал от себя. При первой же возможности. Опять себе лгал. Так было проще. А теперь он стоит под холодным душем, маленький и жалкий, и отчетливо понимает – пора становиться мужчиной.

Мужчина должен уметь отвечать за слова и поступки. Перед собой, людьми и перед своей женщиной.

Аминь.

Своей. Эта мысль пришла в его голову так просто и так правильно, что мужчина выключил воду. Словно проснулся после долгого сна. Или прозрел. Все вдруг стало на свои места. Вышел из кабины, задумчиво вытираясь гостевым полотенцем. Из зеркала на него смотрел неказистого вида азиат с внушительной щетиной на впалых щеках, ввалившимися узкими глазами и кривой улыбкой. Зато взгляд его был необыкновенно решителен.

Его предки завоевывали мир, а он упустит из рук девушку, подаренную ему самой судьбой? И пусть он для нее – лишь лекарство от телесного одиночества. И пусть между ними пока только секс. Можно, конечно, отступить сейчас,

поступить «чисто по-американски». Не создавать проблем ни себе, ни ей, а потом жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Нет. Так он не согласен. Слишком мало для него.

Обернутый в одно полотенце вышел на кухню.

– Ей, Арат, я не девонька твоя озабоченная, неземной красоты твоих голых коленок и пяток не оценю. Иди одевайся, время есть еще.

– У тебя есть рубашка свежая? Я новую верну.

– Ну... На галстук кулиску затянешь и рукава закатаешь? Смешно, не злись. Есть. Я как-то на размер не глянул, купил на два меньше, так и не выкинул. Погоди, сейчас дам. Кофе себе наливай – вон машина.

А и ничего, что он ростом ниже Марины. Зато как она его рассматривала! Как племенного, прости Господи, жеребца. Арат вдруг впервые нашел в себе смелость признаться тому суровому внутреннему монголу, что Марина не просто его возбуждала своей красотой и недосыгаемостью. Она умудрилась влезть своими длинными ногами и руками ему в самую сердцевину души. Он не только думал все время о ней, он мысленно с ней разговаривал. Такое с мужчиной случилось впервые. Вот и ответ на всего его сомнения!

Кир пришел, принес рубашку, пару чистых носков, мужской дезодорант без запаха и «набор гуляки», как он его сам определил. Комплект из одноразовых расчески, зубной щетки, бритвы и прочих милых сердцу холостяка мелочей.

– Пользуйся. Ну, что ты имеешь мне сказать, мой поте-

рянный друг?

– Уже ничего. Устаканил.

– Хм, ты уверен? И спросить не хочешь ничего у мудрого Кирилла?

– Ты когда надумаешь жениться, мудрый?

– О, как заговорил наш монгольский Одиссей. В мае. Какого-то года.

Арат поперхнулся кофе.

– Ты спросил – я ответил. А ты?

– Как заберу свою Пенелопу – так сразу. Или не заберу – так хоть будет, что вспомнить на кладбище.

– Она того стоит?

Задумался на несколько секунд. Вспомнил. Глаза ее, дыхание. Поцелуи. И горячую влагу ее, его так обнимавшую, словно жаждавшую принять его всего, целиком, без остатка. Видимо, на лице его, плоском и обычно холодном, отразилась такая буря чувств, что друг молча поставил перед ним грудку горячих сэндвичей, яичницу с беконом и вздохнул:

– Эко тебя, мужик. Очевидно, что крепко.

Молча кивнул головой.

– Скажи мне, как можно найти контакты владелицы яхты? Мне быстро. У тебя же везде есть связи. Яхтклуб?

– Да. Там есть свой человечек. Вечером кину тебе. Название яхты и имя ее мне скажи, запишу.

– Яхта: «Крейсер Аврора». Девушку зовут Марина.

– Вот если бы я тебя не знал... – Кирилл откровенно за-

ржал в полный голос, качая головой. – Ну ты даешь, Арат! Найти себе Марину на крейсере «Аврора»! Я на твоей свадьбе напьюсь и буду петь революционные песни. Все, я побежал, ты не спеша собирайся, чмоки-чмоки, дорогой, не забывай предохраняться.

И красавец Кирилл – гроза всех американок репродуктивного возраста – быстро сбежал по лестнице на встречу с водителем.

А Арат сидел за столом, медленно поглощал завтрак, любезно приготовленный другом, и думал о жизни. И о любви. То есть о Марине он думал. Кто знает, а вдруг это и есть – любовь всей его жизни?

6. Актерское мастерство

– Он просто ушел, Лизун, понимаешь? Взял и растворился в переулке. Вот что я сделала не так?

– Миллиарды придурков скрываются в переулках этого мира... Кто он-то хоть? Думаешь, я телепат?

– Арат. Монгол. Его зовут Арат. Мы с ним... – в голосе Марины вдруг звучит неслыханная доселе нежность, но тут же сменяется раздражением. – О Боже, Лизун, ну трахались мы. Как кролики. Три дня, понимаешь? – и жалобно добавляет в трубку, молчание в которой становится каким-то тягостным. – Ну, ты же сама говорила, найди... Вот, нашла...

– Вау! Впервые слышу придыхание в твоем голосе, Мариш. И как? Не виляй только и не оправдывайся, я не прокурор. Если ты вспомнишь мою историю... скорее, адвокат. И напрасно ты о кроликах. Их акт длится полторы минуты. Надеюсь, у вас было вовсе не так. Рассказывай, не томи.

– Так о чем рассказывать? Говорю же – ушел он. Сбежал от меня. Я, наверное, его до смерти напугала своим напором.

– Прямо три дня вещи собирал, я так понимаю. Или ты плакала три дня, а он собирался? Не пыли, сестрен, от темпераментных девушек сбегает только импотенты. И то вон – твой три года сидит. Далеко не уйдет. Не реви. А что там за три-то дня? Ну чего я тяну-то из тебя как клещами, что, было так ужасно?

– Лиз... помнишь, ты говорила, что у тебя с Андреем прямо до криков, до стонов доходит, вообще до потери сознания? А я еще не верила, думала, ты преувеличиваешь. Теперь верю. Он... потрясающий, Лиз. И готов всегда. А еще он очень умный и меня все время кормил, сам, своими руками. Он ненастоящий, да? Приснился, таких не бывает?

– Ух ты! Марин, тебя рубануло. Ну наконец-то. Я уж было решила, что кровушка наша семейная на тебе иссякла. Нет, вижу – не вымрут Выгодские, весь мир еще вздрогнет. Это любовь, сестрен. Хоть ты в это еще и не веришь. Она может вот так – просто падать на голову. Как... снег. Просто поверь. И да, нам на мужиков точно везет. Если все так, как ты говоришь – жди, он вернется. Я же дождалась.

– Нет-нет-нет, даже не говори мне о любви! Не верю! Это ты – особенная. Тебя можно любить. А я так... недоразумение. Он даже номер телефона не попросил. Не нужна я ему. Просто случайность это все, понимаешь?

– Конечно. Я вот так и говорила тогда. Слово в слово. Интересно, у нас это тоже семейное – так вот вляпываться? Не буду повторяться, хвалить тебя тоже не буду, мне иногда кажется, что это ты так кокетничаешь, дескать, я мелочь. Но просто ты вспомни: для самца червяка его червячка – лучшая женщина в мире. Хоть его толще намного и в два раза длиннее, ага. Так и люди.

– А ты умеешь делать комплименты, – хмыкнула Марина. – Ничего я его не толще. Разве что немного повыше. Со-

всем чуть-чуть, правда! Но в постели это, знаешь ли, вообще незаметно.

В телефоне звучно хрюкнуло, раздался громкий стук.

– Прости, я так ржала, что уронила трубку на стол, эо я угадала с червями. Вообще-то они многопопы. Но это неважно. Расслабься, детка. В твоей жизни уже это есть. И ты изменилась, я это слышу из-за океана. Будет что вспомнить. И поверь моей интуиции – это только начало. Еще сопли есть? А новости?

– Ну... снег растаял. Пожалуй, все.

– Ну и славно. Свое дело он сделал. У нас тоже все норм. Родители здоровы, мы даже счастливы. И ты там подтягивайся в эту группу лиц счастливых. У тебя диплом когда? Хоть бы фотки работ прислала. Ты вообще начинала? Я знаю тебя, будешь к финалу в режиме подвига все малевать.

– Э-э-э, Лизун, мне пора, у меня сегодня семинар в колледже. Некогда с тобой болтать, пока-пока. Позвоню потом. Может быть.

– Цем, сестренка.

Лиза вздохнула. Лучшим способом прервать разговор с Мариной всегда был вопрос о делах. Сердечные томления можно было мусолить часами. А вопрос о дипломе начисто лишал ее желания болтать. Не изменилась она в этом совершенно. Зато в остальном... Время покажет, хотя такого тона и таких характеристик мужчинам от сестры Лиза не слышала никогда. Любовь... Уж она-то знала.

А Марина, хмуря тонкие брови, и нервно прикусив губу, сунула телефон в сумку. Ну да, она как обычно вывалила все на сестру, забыв даже спросить, как там у всех дела. Получила вполне заслуженный выговор. Ну и ладно. Ей и в самом деле пора было спешить на учебу.

***

На парах Марина блистала, восхищая преподавателей и адски раздражая однокурсников, которые между собой считали ее выскочкой. Хотя какая-то радость. Впрочем, привычное ощущение превосходства над «тупыми американцами» сегодня было каким-то смазанным. Она уже знала, что есть люди гораздо умнее и образованнее ее, и не где-то в далекой России, а прямо здесь, в Нью-Йорке. Но то, что она ответила на каверзный вопрос преподавателя о легенде сатирического уличного искусства и граффити – Бэнкси, еще и перечислив все знаменитые работы последнего, вспомнив со смехом его Лондонского «Хорошо висящего любовника», настроение ей все же немного подняло, а ее однокурсникам существенно испортило.

Ничего нового, наоборот: в русской школе всегда творилось то же самое, только там в части прозвищ детки были куда более изобретательны. Оглобля. Каланча пожарная. Ее высокопреосвященство (пожалуй, Маринино любимое). Дальше уже неинтересно, глупо и пошло.

Никогда Марина не умела сходиться с людьми. Ей достаточно было общества самых близких: сестры, родителей,

двоюродных братьев. Одиночка, к тому же вся «слишком». Слишком длинные руки и ноги, слишком ранимая, слишком остро переживающая любую, даже самую безобидную, неудачу. Пришлось учиться закрываться, и лучше – от всех. Актриса из нее вышла хорошая, оттого и на снимках Марина выходила красавицей – она играла роль красавицы, и это у нее отлично получалось.

В колледже играла роль заучки или, как говорят американцы, «nerd». С Георгом играла роль послушной куклы, которую можно одевать, раздевать и ставить в те позы, в которые хочется. Нет, не в плане секса – вот как раз здесь ее покровитель не требовал ничего особенного. Зато Марина регулярно сопровождала его на всяческие «светские» мероприятия. С самого памятного момента их встречи она являлась официальным лицом его компании и блистала бриллиантами на вполне законных основаниях.

Перед родителями в последнее время никаких ролей она не играла, просто спряталась от них, сбежала, отчаянно боясь не оправдать их ожиданий. В целом, и в колледж она пошла только потому, что так надо. Кому, для чего? Она не Лиза и всегда считала, что мозгов ей Бог отвесил строго по прейскуранту. Ровно столько, сколько нужно, чтобы сообразить: отказываться от покровительства миллиардера только из-за того, что твое тело... и твое сердце неожиданно отозвалось на фонтан обаяния почти незнакомого азиатского мальчишки – поступок самый что ни на есть идиотский. Ладно.

Назвать Арата мальчишкой не получалось даже мысленно. Мужчина. Незнакомый мужчина, который просто воспользовался моментом, но при этом умудрился за эти несколько дней дать ей больше, чем Георг за последние три года.

Марина неожиданно не просто узнала, что она красивая, она вдруг поверила в это. Язык тела не лжет. Арат ее хотел, причем безо всяких условий. Ему не нужно было от нее ничего, кроме секса, его не волновало образование, происхождение или умение Марины пользоваться вилкой для рыбы. Он хотел только ее саму, и мысль об этом заводила Марину так, что фотограф на вечерней съемке только щелкал языком восхищенно.

– Детка, ты сегодня секси! – повторял он. – Посмотри еще вот так, из-за плеча. Да не на меня, Нери! На парня того смотри, который тебя делает счастливой. Ой, покраснела! Так и стой, лапушка, умница моя!

Это его смешное «Нери». «Марина» для американцев было слишком. В двух кварталах отсюда был целый портовой комплекс: «Марина» – вот его никто не называл ни «Нэри», ни «Нэн». А ее звучное имя они коверкали нещадно – каждый на свой лад. Тут считалось хорошим тоном сокращать имена на свой вкус. У Алекса хоть изящно получалось: «Нери».

В перерыве между фотосессиями фотограф принес ей кофе, включил свою неизменную электронную трубку, булькнул и спросил прямо, он всегда делал так и всегда попадал

точно в цель:

– Кто этот счастливчик, который мою улиточку из раковины вытащил?

Она действительно была «его улиточкой». Алекс был известен как топ-фотограф, пангендер, бисексуал, любитель эпатажных постановок и скандалов. Он активно играл на публику, шокировал, заставлял окружающих говорить о себе. Обсуждать, осуждать. Марина была его полной противоположностью, отлично скрываясь за яркой ширмой своего фотографа. Когда они работали – все внимание светских сплетников было привлечено к нему. А для нее он был романтичным индейцем. И длинная коса, кольца на пальцах и серьги в ушах его совершенно не уродовали. Ее личный заклон: Аскавхетео – знающий время.

– Не понимаю, о чем ты, – пробормотала Марина, снова краснея.

– Все ты понимаешь, Нери. У женщины бывают такие глаза, когда ее три дня из постели не выпускают, и она, заметь, оттуда сама бы неделю еще не вышла.

Марина ахнула и засмеялась. Вот ведь гад наблюдательный!

– Профессия обязывает, – пожал плечами Алекс. – Сама понимаешь, камера безжалостна. Любое изменение фиксирует на века. И, кстати, у тебя засос на плече, я видел. Ладно, поболтали, пора работать. Давай, детка, сейчас будем сердитое лицо делать. Вспомни уже о чем-то неприятном, гаши

свои глазки.

О неприятном?

Это о том, как Арат растворился на улицах Нью-Йорка, а она, дура, не посмела его остановить? И номер телефона он у нее не попросил. Вообще-то правильно и сделал. Она бы и не дала. Пусть в его памяти останется Марина – снежная буря, а не настоящая – неуклюжая, необразованная и крайне неуверенная в себе.

– Нери, я сказал, сердитое лицо, а не виноватое! Не о том думаешь!

Не успела испортить, не позволила себе наделать глупостей! Мо-ло-дец! Зато будет, что вспомнить в старости.

– Нери! А, ладно, давай еще раз так улыбнись.

Она улыбалась, поворачивалась. Выход – и мастера макияжа и образов в четыре руки переодевали ее, причесывали, красили, и яркой бабочкой она снова выпархивала на свет прожекторов освещения. Опять улыбалась, хмурила брови, задирала подбородок и картинно скидывала руки. Алекс показал ей пару кадров. Неужели она и в самом деле сегодня такая – беззащитно-нежная, юная, с детским взглядом и порочными алыми губами? Такой ли видел ее Арат?

В сумочке зазвонил телефон, Марина воровато оглянулась: чем занят Алекс? Ага, раздает указания осветителю. У нее есть время ответить на звонок. Номер местный, незнакомый, но это ничего не значит. Кто угодно может звонить: преподаватель, однокурсник, полиция, в конце концов!

– Хэллоу?

– Привет, – совершенно по-русски.

Марина сначала не поняла, не угадала голос, а потом вдруг ее затопила невероятная радость.

Арат.

– Марина. Я тут подумал и вспомнил, что обещал тебя познакомить с приятелем. Художником. Он сейчас занят, но можно сходить на выставочную площадку галереи Щукина, там... там сейчас творится нечто невероятное. Мне кажется, тебе должно понравиться. Что думаешь?

Его голос звучал легко и непринужденно, будто и не было той сцены прощания, а вот Марине пришлось задержать дыхание, чтобы не завизжать в трубку от восторга.

– Когда? – кажется, у нее получилось ответить холодно и спокойно.

– Сегодня. Или ты занята?

– У меня сейчас съемки, но мы почти закончили, – торопливо сообщает Марина, боясь, что он передумает и найдет себе другую спутницу.

– Отлично, за тобой заехать?

Она вдруг представила Арата здесь, в этом серпентарии, и вихрь любопытствующих взглядов вокруг него.

– Нет! – слишком поспешно и громко. Божечки, только бы не обидеть! – Тут секьюрити и ...

– Тогда где? – ровным голосом спросил без тени осуждения.

– Я не знаю, никогда не была в этой галерее.

– Мэдисон авеню 239, но знаешь... Ты когда ела в последний раз? – иронично так, не сомневаясь в ее ответе.

– Не помню, – зато честно.

– Хорошо, давай через час, на углу Пятой и Лексингтон авеню. Ты на машине?

– Нет, здесь парковка слишком дорогая.

– Заказать тебе убер? Там есть остановка такси, я тебя встречу.

– Я сама, спасибо, – не хватало еще его разорять.

– Хорошо, давай, я заканчиваю и выдвигаюсь в твою сторону.

– Пешком?

Смешок в трубку.

– Ну я же – степняк. Мы такие. До встречи.

Нажала «отбой», не в силах сдержать дурацкой улыбки, и внезапно обнаружила, что Алекс смотрит на нее с очень странным выражением. И в руках у него фотоаппарат.

– Ты сейчас меня снимал? – сообразила она. – Зачем? Покажи!

– Не покажу, – неожиданно ответил Алекс. – Потом. Это... что-то особенное.

Марина только пожала плечами: ей сейчас было не до выкрутасов безумно талантливому, но довольно эксцентричного фотографа. Ее ждала встреча с ее Сободем. Ага, она именно так и записала его в телефонную книгу. Красиво, непо-

НЯТНО, ИНТИМНО.

7. На крыше и в степи

Принять свой обычный вид Марина не успела, лишь переоделась. Так и ехала в такси: боевая раскраска, прическа а ля начало двадцатого века. Разглядывая себя в зеркале заднего вида, она мучительно думала о том, что снова разочарует своего Соболя. Размалеванная кукла на шарнирах. Пошлая пародия на Барби. Ну и ладно. Зато она его снова увидит. И главное – он нашел ее! Сам нашел, а значит – искал, вспомнил.

Даже если он просто человек слова и лишь выполняет свое обещание – это тоже чертовски приятно. О ней внезапно позаботились. На этом берегу Атлантики такими странностями отличался лишь запредельно загадочный Алекс. Но это было лишь частью его образа – удивлять и шокировать окружающих.

Выходя из такси в условленном месте, на несколько секунд затормозила, еще раз придиричиво оглядывая себя в зеркало. Ничего не изменилось, и лицо не стало умнее. Безнадежно. Не успела испугаться, как за спиной вырос монгол, пресек на корню все ее намерения расплатиться с водителем, протянул тому карту, отсекая собой все Маринины попытки сунуть нос в этот процесс.

– Арат, я...

Один только его взгляд – и она поперхнулась фразой. Ей

не хотелось беспокоить его такими глупостями. Да и дико это было – мужчина за нее расплачивался! Даже Георг никогда так не делал, это считалось нынче унижительным для женщины. Но она уроженка дикой и варварской страны, где многие мужчины еще считают себя мужчинами. Как и он. Все это Арат ей сказал одним взглядом.

Что-то американское было взбрыкнуло в ее сознании, топнуло ножкой, заикнулось о гендерном равенстве... и бесильно уползло, уступая место великой и могучей русской бабоньке, удовлетворенно вытершей руки о подол, берущей под уздцы своего мужика и счастливо сияющей во все зубы на фоне неоновых всполохов Манхэттена.

А что поделать, гены пальцем не выковырять.

Арат же смотрел на нее, будто увидев впервые. Строгой взгляд “я мужик или чем?” сменился таким восторгом, словно Марина была натуральной богиней, вдруг свалившейся в его руки с неприступного Олимпа.

Она щелкнула пальцами перед его носом, расфокусировав зрительный поток обожания.

– Эй! Мужчина! Прием, прием, куда идем? Или тут стоим?

– А! Прости, я неловок, – притянул ее к себе, порывисто вдыхая ее запах, словно глотая. Поцеловал целомудренно и даже робко, куда-то в скулу, но они вдруг завибрировали оба в резонанс, как струны от удара пальцами.

– Эй! Мы сейчас никуда не уйдем и проведем остаток дня

в полиции за нарушение общественного порядка.

– Почему?

– Еще секунда, и я начну раздеваться прямо тут. Отпусти меня, пожалуйста.

Ее “пожалуйста” прозвучало так искренне и просяще, что Арат почти поверил в ее шутку. Отпустил.

– Так куда мы идем?

– Для начала – ужинать. Тут есть любопытное заведение – вон там, в двух шагах, – махнул рукой в сторону Пятой авеню, – Пятый бар на крыше. Единственное...

– Там вкусно кормят? В баре?

– Да, там международная кухня, есть даже пельмени, представляешь? И очень вкусно все.

– А что там у нас единственное?

– Это традиционное место встречи всех нетрадиционных. Они там тихие, но компании собираются частенько... очень оригинальные. Да, и фотосъемка там запрещена, что меня с некоторых пор очень радует.

И он снова выразительно на нее посмотрел.

– Так, это о желудке. А что там с душой? У “Щук” что за обещанное “нечто?”

– О! Я хотел, чтобы это было сюрпризом. И не гугли, очень прошу – сюрприз, я настаиваю.

И они пошли. Марину вдруг стало наполнять ощущение предвкушения праздника. Будто пузырьки шампанского бегали по кровотоку, пощипывая и перекатываясь. Она нашла

руку мужчины, осторожно, будто спрашивая разрешения, притронулась. Он удивленно оглянулся на нее, но руку не убрал. Переплела пальцы, отчего-то испугавшись своей смелости: “Надо же, я с ним отчаянно и беззастенчиво занималась любовью, а просто взять за руку – так трудно”. Все у нее было непросто. А на его лице не отражалось ровным счетом ничего – ну рука и рука, что тут такого...

Бар был действительно на крыше. Отличный вид, а меню впечатляло даже привыкшую питаться в заведениях такого рода Марину.

Все столики на периферии были уже заняты, кампании действительно были разношерстными, но вполне прилично себя вели. Марина в который раз отругала себя за вечерний макияж и прическу. На фоне американок это выглядело очень странно и вызывающе. Да и одежда была не особенно будничной, хоть и из съёмочных запасников, но все же платье. Она села за столик в центре зала рядом с Аратом, сияя, словно белая ворона, и ловя на себе взгляды, любопытные и не только.

Арату в очередной раз позвонили, он вообще не выпускал из рук этот назойливый айфон, постоянно отбивая звонки, отправляя дежурное: “Занят”. Но в этот раз нахмурился, чертыхнулся сквозь зубы. Извиняющийся взгляд, кивок в меню: “Выбери уж наконец!” И вышел, негромко и напряженно отвечая кому-то. На немецком? Боже, еще и немецкий! Хотя взмахни он вдруг крыльями или дыхни огнем –

она бы уже не удивилась. Человек-сюрприз.

Попыталась вчитаться в меню. Где там обещанные пельмени, родные и близкие? Вот они, братьцы.

Теплая ладонь легла ей на плечо. Медленно и нежно убрала со щеки прядь волос, погладила обнаженную кожу шеи, двинулась ниже по спине. Что-то было не так. Не похоже на Арата. Она его еще очень мало знала, но не похоже. Оглянулась и чуть не упала со стула. За ее спиной стояла и плотоядно улыбалась рослая, очень крупная девушка в кожаной косухе и черных кожаных штанах. Коротко стриженные волосы, некрасивое лицо, взгляд, уверенный в себе. Марина резким ударом отбросила чужую руку, словно ядовитое насекомое. Она вообще не могла терпеть чужих прикосновений. Ее непрощенная гостья изумилась. Рывком отодвинула стул напротив. Села, расставив ноги и вытянув одну, отсекала Марине путь к отступлению. Ее передергивало от этой откровенной навязчивости. Будто ее только что прилюдно раздели, а следом почти изнасиловали. Марине сих пор ей не приходилось противостоять такого рода наглости в женском исполнении. Что ж, все когда-то случается впервые, придется учиться.

– Ты не ошиблась? – главное сейчас было не выказывать страха. Судя по одежде, эта девушка была совсем непроста.

– А ты? Если ты пришла сюда и соблазняешь, кто из нас ошибается? – и глядя прямо в глаза, она положила руку на незащитное колено Марины, обтянутое лишь чулком.

Медленно двинулась в сторону подола ее кашемирового платья. Марина снова ударила. Не разрывая зрительного контакта. Откинула руку, с ужасом понимая, что этим лишь еще больше возбудила охотницу.

– Я сюда пришла не для тебя, – красноречиво сжала колени и сложила руки на груди, поежившись, проклиная этот вечер и себя за глупость.

– А вот и для меня. Ты не пожалеешь, детка. Я хорошо плачу, вот увидишь, – и увидев неподдельное изумление на лице Марины, добавила: – Я могу быть очень нежной. Просто так, если захочешь.

Что делать? Бежать? Она видела напряженно следившую за их диалогом группу девиц, очевидно, личную стаю охотницы. Догонят. Вызывать полицию? Они ничего еще пока не делают.

– Она со мной. Бри, ты рехнулась? Или оголодала так, что кидаешься на гетерок с разбегу? Девочка со мной. Вали к своим гусыням.

Алекс! Слава Богу! Откуда он тут взялся? Марина была так счастлива неожиданному явлению друга, что никто не усомнился в их связи. Разве что на шею индейцу не прыгнула.

– Переходишь дорогу мне, Ал? Не забылся? С каких пор ты стал интересоваться цветочками?

– А у нас тройничок, детка, – рядом вдруг материализовался монгол. Марина и думать не могла, что он может вме-

шаться, ее защищая. Не привыкла рассчитывать на помощь. В мыслях не было.

Сидевшая за их столиком четверка была колоритна: Марина – “цветочек” в голубом и пушистом обтягивающем платье, нежная и тонкая, два напряженных мужчины – оба узкоглазые, такие разные, тем не менее, похожие. Два хищника возле своей добычи. И растерявшаяся охотница, беспомощно оглядывающаяся на “группу поддержки”. Еще минуту назад она была хозяйкой положения. А теперь – лишь гонимая метлой собака. Отступить красиво она не сумела: смачно выругавшись, плюнула под ноги, прорычала нечто угрожающее, поднялась и вдруг метнулась к лицу Марины. Схватила пальцами за подбородок, то ли в попытке собственнически поцеловать, то ли шею свернуть. Удар молниеносный, сокрушающий – и охотница уткнулась носом в столик, хрипя. Марина даже не успела понять, кто его нанес. Алекс навис над поверженной противницей, прошептал ей: “Мой друг женщин не бьет, а вот я – лишь не трахаю” – и оттолкнул в проход.

Ее подхватили под руки и быстро вывели. И снова вокруг – тишина и мягко звучащая музыка.

Марину трясло крупной дрожью. Уже ничего не хотелось, саднило подбородок, и мучительное чувство отвращения к себе кружило голову.

– Так. Выдохнули! Нери, ты слышишь меня? Они ушли и больше не придут. Что ты вообще тут делаешь, скажи мне?

– Ищет приключений, как обычно, – голос Арата был встревожен.

Он внимательно посмотрел на подбородок Марины, нахмурился, снял пиджак (она только заметила – он был в дорогом костюме и белой рубашке!), встал, накинул его ей на плечи. Потянуло его запахом. Успокаивающим, таким родным.

– Алекс, где тут WC? Мне надо умыться.

– Не надо. Я больше тебя не оставлю, и скоро мы уходим. – Монгол снова был непроницаемо-спокоен.

– Там, видишь две кадки с пальмами? Сразу налево. Иди, не бойся, Бри тут одна такая на всю голову доминирующая, тебе просто не повезло ее встретить.

Марина встала, все еще покачиваясь от пережитого, скинула на стул так хорошо успокоивший ее пиджак и двинулась к пальмам. Ей нужно было побыть одной. Хотя бы несколько минут – очень нужно.

Арат дернулся было следом, но Алекс остановил его неожиданным вопросом:

– Так это ты ей звонил сегодня?

– Допустим, – настороженно ответил монгол, окидывая взглядом неожиданного защитника его Марины.

– Хочешь, я тебе покажу звезду? Настоящую?

Арат кивнул, все еще не понимая, что нужно от него этому странному фрику. Нет, монгол был, конечно, толерантен – ровно настолько, насколько требовала работа, но воспитание

у него было традиционным, пожалуй, даже чересчур. Поэтому Алекс, помимо острого любопытства, вызывал еще толику брезгливости. Что-то было не так в этом очень непростом человеке. Маска? Роль? Неожиданно умные глаза никак не сочетались с его образом.

Алекс медленно достал из кейса фотокамеру, похожую скорее на летающую тарелку. Целая фотостудия в одном устройстве – невероятно дорого и профессионально. Пробормотав что-то, вроде “все свое ношу с собой”, показал Арату... самое настоящее чудо.

Остро чувствующий красоту, монгол не мог не понять, что имел в виду индеец.

На фото была Марина. Уже привычно сияющая, почти не ослепительная, все же привык немного – с волосами, уложенными как сегодня, в чем-то светлом. А глаза широко раскрыты и горят так, словно в руках у нее был не телефон, а величайшее сокровище мира. И на лице была удивленная радость. Арат уже видел такой ее взгляд – именно так красиво она впервые кончила в его руках.

– Это когда я звонил? – внезапно охрипшим голосом уточнил он у фотографа.

Тот кивнул, ухмыляясь. До чего ж классный парень этот Алекс! Арат обнял бы его сейчас, даже успел потянуться, но фотограф мягко отстранился. Буйный восторг распирает монгола изнутри, он ощущал себя самым счастливым мужчиной в этом мире. Марина вот так отвечала на его звонок.

Эта женщина его ждала. Радовалась ему. Это была самая настоящая победа.

– Скинешь?

– Номер давай и лови. Ты видишь? Сияет, звезда твоя. Твоя-твоя, не сомневайся. Я женщин знаю очень хорошо. Я же – бердаши.

Арат изумленно поднял брови. Слышал что-то про культы индейцев, но встретить такое в центре Нью-Йорка, в двадцать первом веке...

– Не заморачивайся!. Я просто людей люблю. Всех, – и улыбнулся лукаво и светло.

Вернувшись из дамской комнаты Марина никак не могла понять, что произошло в ее отсутствие. Арат сиял, как полированная золотая монета, улыбался. Легко и непринужденно заказал ей эти несчастные пельмени – уже не спрашивая, что она хочет, а потом еще и тот самый кофе по-американски. Ужасно крепкий, густой и вязущий до скрежета зубовного. Алекс хитро улыбался, словно они тут сплели заговор против всего мира, и оба были абсолютно уверены в его успехе. Наглые косоглазые морды! А потом Арат потащил ее на ту самую выставку, которая и вправду оказалась совершенно волшебной.

Он привел ее на "Путешествие в мистическую страну: Впечатления Даши Намдакова об Азии". Она открылась только вчера, в четверг, и иначе, как “варварским скандалом”, ее до сих пор американские искусствоведы не называ-

ли. Новости эти были на слуху и мелькали в лентах.

Марина же только слышала об этой стороне Востока. Тюрки, монголы, буряты, якуты, татары... Древние, свободные и гордые. Все, что она читала и слышала об этой цивилизации, вставало перед глазами: смело, красиво, впечатляюще. Арат на этой выставке был как рыба в воде: его знали, с ним здоровались, обжигая Марину любопытными взглядами. Но она была так увлечена всем увиденным, что впервые не чувствовала себя скованной и неуклюжей шваброй рядом с Сободем.

На фоне медных фигур, таких сложных и одновременно сильных и изящных, словно символизирующих собой хитро-сплетение тайн древней Азии, он выглядел как один из экспонатов. Посади Арата на знаменитого медного быка – поскочет, сжимая руками загривок: “Гей, гей!” Надо спросить его, как по-монгольски погоняют скакунов. И ей ярко представилась картина – Арат в степи, на коне. А она позади его в мужской одежде, обхватив руками и ногами своего всадника. Йооохоу!

На стене в центре выставки висела огромная фотография, притянувшая ее словно магнитом. Двое на конях, две фигуры монгольских всадников. Подошла ближе и обмерла. Это были они с Аратом – совершенно точно. Впереди на сказочно-прекрасном коне скакала целящаяся из лука рослая всадница. Следом за ней невысокий и крепкий молодой мужчина-ловец с хищной птицей на руке. Вылитый Арат – те же

движения, тот же прищур. Прочитала внизу: “Царская охота. Композиция стоит в России, на берегу Енисея”. Дух захватило: “Они скачут по берегу Енисея?” Беспомощно оглянулась, ища глазами вездесущего Арата. Видел ли он эту сказку? Понял ли то, что сейчас вдруг пригрезилось ей?

Монгол заметил ее метания у стены, подошел, осторожно подхватил за талию, хотел что-то спросить. Не успел.

– Ей, Рат! – дорогу им преградил высокий, широкоплечий и очень привлекательный молодой человек.

Светловолосый и светлоглазый, он улыбался Арату, по-братски схватив его за руку и приобняв за плечи. Улыбка у него была, как прожектор, сносящий все тени женской гордости своим слепящим лучом. Не будь у Марины Арата – и ее бы поразило непременно. Одни ямочки на щеках чего стоили!

– Ты не представишь нам свою спутницу? – за спиной у красавчика материализовалась еще пара плечистых мужских фигур. Судя по равнодушным взглядам, персональная охрана.

– Да конечно, – он на секунду замялся.

Арат знал, что Кирюха будет на этой выставке, и не сомневался – любопытный волчара обязательно его найдет. Вдруге он был уверен, а вот в Марине... Он еще вчера решил для себя, что представит ее как “знакомую”. Просто и ни к чему не обязывающе. На большее он и права не имел.

Но то фото! Ее глаза, ее улыбка, адресованная лишь ему

одному и никому больше – они меняли все.

– Кирилл, мой бывший сокурсник и близкий друг. Лучший друг.

Она перевела глаза на пристально смотревшего на нее друга. И поняла: теперь он смотрел на нее, как на сестру, без тени мужского интереса. Испытывал. Смогла. Квест пройден.

– Кирилл, прошу любить и жаловать, Марина... – она за-
таила дыхание, – моя *звезда*.

Она перестала дышать. Просто забыла, как это делается. Секунда, другая – Марина стояла, бледнея. Еще немного – и упала бы прямо тут, в эпицентре выставки.

Звезда.

Арат замер рядом, оцепенел и мучительно пытался понять: чем вызвана такая острая ее реакция? Что он сделал не так? Снова испугал ее внезапным признанием, таким неуместным? Она сейчас убежит? Скажет: "Что вы, я просто знакомая?" Он совсем не знал ее и понимал пока только на ощупь, в постели.

А вот мудрый и опытный его друг сразу правильно все понял. Осторожно взял Марину за руку, поцеловал пальцы. И сказал тихо-тихо, по-русски: "Конечно, Звезда, я всегда говорил ему: тебе подойдут только звезды."

Марина, услышав слова на родном языке, такие понятные и такие правильные, выдохнула. Словно ее вытащили из воды – чуть было не захлебнулась. Удивительные друзья у Ара-

та. Он сам удивительный.

Неожиданно на Кирилла, все еще державшего Марину за руку, налетела роскошная брюнетка, судя по виду, латинос, и что-то быстро заговорила ему на итальянском, активно оттирая Марину от соплеменника. Тот вздохнул, задумался на несколько секунд и, извинившись, увел спутницу к выходу, не став даже представлять ее Арату.

Монгол стоял рядом, как всегда невозмутимый и, иронично изогнув бровь, лишь произнес, криво улыбнувшись:

– Унесла Кирюху его птица Алконост, схватив руками белыми, зубами и когтями. Пойдем и мы?

Марина вдруг ощутила себя уставшей. Очень много впечатлений для одного дня.

– Куда же?

– Как скажешь, – ей показалось, или в узких глазах на непоколебимом лице мелькнуло едва различимое лукавство?

– О! Как я скажу, так и будет? – ей нравилась эта игра.

– Только так и будет.

Молча взяла его за руку и повела за собой, как непокорного жеребца на короткой узде. **Объезжать.**

8. Удар ниже пояса

Окрутила, опутала, заморочила голову и словно покорного пленника привезла на яхту. То есть, он ее привез, но разве это важно? Все равно сегодня он – ее добыча. Попался этот соболю в ловушку. Сразу потянула в постель, но он твердо заявил, что сначала душ, а потом все, что ее душеньке угодно. Все же Арат был весь день на ногах. Так и быть – взмахнула царственно рукой, дозволяя пленнику смыть с себя “пот и кровь убиенных врагов”. Арат вернулся быстро – снова в ее халате. Ее коварным планам это странное одеяние, ставшее уже привычным, вполне соответствовало.

Толкнула его в стену и опустилась на колени, развязывая ставший совершенно бесполезным пояс. Она мечтала об этом целых два дня – до его звонка. Представляла. Впервые в жизни позволяла себе самые развратные фантазии: все то, что она бы с ним сделала, если бы он вернулся. Что ж, она свое получит.

– Что. Ты. Делаешь? – рывками выдохнул из себя монгол.

Марина на коленях перед ним. Сердце у Арата заколотилось где-то в горле. Тонкие, длинные – невыносимо аристократичные – пальцы тянутся к молниеносно восставшему члену.

– Марин...

– Молчи, – шепчет она. – Просто молчи.

Он и молчит, только сглатывает и осторожно запускает пальцы ей в волосы. Опирается спиной на стену, боясь, что спугнет, что все испортит. Ощущают ли женщины удовольствие от таких ласк? Это вряд ли. Тогда почему же сейчас она смотрит снизу вверх так... откровенно возбужденно? У его ног, порывисто дыша, с широко распахнутыми глазами, губами, припухшими от желания. Невероятная.

С Мариной все не так, все с ног на голову. Поза покорности. Абсолютной незащитности. Безусловного доверия. Удовольствие для него одного? Он всегда думал, что только так. Женщинам это не нужно. Но теперь вдруг усомнился в правдивости этой истины. С каким наслаждением во взгляде, в движениях девушка это все делала! Он позволит. Пусть все эти сомнения будут его маленькой тайной.

У Марины тоже была своя тайна. Она ласкала мужчину вот так в первый раз. Это... смело. Отчаянно даже для нее. Она не умеет.

Нет, теорию она знала. Сложно жить в век интернета и не видеть подобного действия ни разу. Но ей самой никогда не хотелось. С Георгом подобное было немыслимо и пошло. Даже придумав себе эту влюбленность, Марина не смогла переступить через высокий порог их отличий. Разный мир, очень разные люди. А Арата ей хотелось целиком. Развернуть, как фольгу на мороженом. Съесть всего без остатка. Ей нравилось в нем все: запах, вкус, прикосновения. Все возбуждало.

Она любовалась. Его возбуждением, даже его недоверчи-

вым взглядом. Он словно смотрел и не верил. Да, она ничего не умела. Но разве все эти три дня, что они провели вместе, вплетаясь друг в друга, вжимаясь, втекая, становясь единым, не сказали ей красноречиво – куда важнее просто понимать друг друга? И она понимала, ощущала каждую клетку его вожделения. Он был весь в ее руках, Марина была сейчас главной. Она приказывала ему не двигаться, не мешать, и он послушно замирал. Кажется, даже не дышал. Вот и хорошо, вот и стой так, мой хороший. Оба... стойте.

А пальцы у нее дрожат от волнения, и внутри все дрожит. По животу бегут мурашки, колени сами собой сжимаются. Все равно страшно. Хотя... горячая плоть, пульсирующая в ее ладони всей бархатной кожей, с тугими налитыми венами, потемневшая от прилива крови – разве может солгать?

И Марина, закрывая от страха глаза, тянется к его достоинству. Сначала пальцами пробегая по стволу, будто по флейте, осторожно, медленно и, как всегда – с восхищением. Потом – невесомо касается губами. Для нее – невесомо. Для него – будто оставляя огненное клеймо. Арат сжимает кулаки и зубы, чтобы не издать извечный победный клич мужчины. Вот сейчас – она его женщина. Абсолютно, во всем, и душою, и телом.

А после он теряет себя, накрываемый горячей глубиной ее рта до самого основания. О, Создатель! Немыслимо, невыразимо! Когда женщина, красивая и бесконечно желанная, делает это с мужчиной, все наслаждения мира не смогут срав-

ниться с этим – никак. Горячий язык скользит так сладко, так пронзительно и беспощадно, выворачивая из Арата всю душу, что из самых недр его легких вырывается низкий полустон-полурык.

Марина смотрит на него снизу вверх, зачем-то быстро отпуская, вызвав у бывшего пленника стон разочарования.

– Я все делаю правильно? – робко спрашивает она. Не выдержала. Слишком волновалась.

– Что? – хрипит Арат, не веря. – А можно делать неправильно?

– Я раньше ни разу...

Арат прикрыл глаза, буквально пряча под веками дикую яростную радость, охватившую его. Он – первый.

– Все, что ты делаешь – прекрасно, – сообщил он, лаская ее волосы. – Только...

– Что-то не так?

– Я ведь так кончу, Малыш. И очень быстро. Я на грани. Ты такая...

– Кончи, – кротко соглашается Марина, опуская ресницы. Он так уверен в ней – значит, она и вправду хороша!

– Невероятная, – шепчет он, красноречиво подаваясь вперед и не сводя глаз с ее губ.

Как ей нужно было это слово! Оно словно дало ей разрешение – на все. И она продолжает уже смелее, увереннее. Ощупывает языком выпуклые вены, все неровности и складочки. Не ласкает – исследует. Гладит ладонью бархатную

кожу бедра, внимательно за ним наблюдая. Ей очень важно сейчас его видеть. Слышать его сдавленное дыхание, его тихие стоны, подчиняться едва ощутимым движениям бедер навстречу, ловя его темп – едва ли не слаще, чем самой принимать ласки. Прикусила, заставляя пальцы в волосах ощутимо вздрогнуть. Он напрягся – она почувствовала.

– Малыш, зубами не надо, – тихо шепчет Арат.

А как надо? Она проводит кончиком языка по всей длине, облизывает головку, как леденец, ощущая его дрожь. Снова захватывает в плен рта, сжимая губы, пальцами скользя по тяжелому мешочку ниже. Ей очень нравится запах его возбуждения, вкус его страсти, глухой стон, непроизвольные толчки бедер, руки, плотно обхватывающие затылок.

– Тш-ш-ш, стой. Не спеши, – шипит он сквозь зубы. Он не хочет торопиться. Хочет насладиться дарованным ему чудом сполна.

Марина послушно останавливает свою игру, подчиняясь его правилам. Арат дышит уже так тяжело, постанывая, вздрагивая в ее руках. Его ведет даже от одного только зрелища, и хочется просто смотреть, как влажный член погружается в ее рот. Как дрожат ее ресницы, как она обхватывает ствол пальцами у основания и закрывает глаза, принимая его. Он не выдерживает этой сладкой пытки, собирает светлые волосы в кулак, гладит ее скулы, замирая, а потом двигается сам – пожалуй, чуть резче и глубже, чем она готова, но девушка не возражает, только плотнее сжимает губы.

– Миний хайр, – Арат вдруг встревоженно пытается отстраниться. – Подожди, так не надо, я...

Она все понимает по твердости, по гудящему напряжению в своих руках. Удерживает, не отпускает. Ласкает языком и пальцами, мягко сжимает губами. Подхватывает его под ягодицы, словно чтобы не дать оторваться. Он пульсирует, оставляя на языке незнакомый терпкий вкус, стонет, уже не сдерживаясь, не пряча эмоций, зарываясь пальцами в волосы, весь крупно дрожа.

– Сумасшедшая! – в его голосе упрек и восхищение, а Марина смотрит снизу вверх, улыбаясь и облизывая припухшие губы. – Зачем? – едва переведя дыхание, он усомнился.

Марина снова рвала все шаблоны. Он всматривался в ее прекрасное лицо, стараясь найти там следы неприязни или, быть может, даже отвращения – и не находил. Лишь желание.

– Мне понравилось. Неожиданно было вкусно. Я даже не думала, что у меня получится. Это просто...

– Молчи. Слов здесь не нужно. Я все вижу, иди сюда, Малыш, ты была великолепна и подарила сегодня мне такое.. о чем даже догадаться не можешь.

Подарила себя. По-настоящему. Искренне и щедро. Он оценил.

Она легко поднялась: румяная, с припухшими яркими губами, затуманенными глазами с легкими искрами безумия. Арат очень хорошо знал, что с этим делать. Но сейчас он не будет спешить. Первый голод утолен, сегодня ему хватит

терпения. Ей было вкусно? Он тоже распробует это сладкое блюдо – Марину. Выпьет до дна, возьмет, словно чашу. Так что чайки потом будут друг другу кричать так же громко, как споет от страсти его женщина – этой ночью для него одного, лишь для Арата.

Сладко ли тебе, Марина?

***

Проснулась Марина одна – подскочила, завертела головой. Услышала в кухне звонок телефона и успокоилась. Вообще-то, наверное, это она должна его кормить. Она здесь хозяйка. Вот только готовить Марина умела не очень хорошо. Домашняя еда с ее стилем жизни – непозволительная роскошь. И время, и деньги. Позволить себе готовить она зачастую просто не могла, питаясь или в китайском ресторанчике прямо на пристани, или чуть дальше в рыбном кафе. И там, и там в меню была преимущественно рыба, свежая, вкусная и разная. Но за последние два года рыба эта ей уже надоела хуже манной каши, и от ухода с головой в фастфуд спасала лишь его общеизвестная калорийность, а ей нельзя толстеть. А он вот балует ее, снова собираясь кормить чем-то невероятно вкусным.

Неловко.

Марина натягивает белье и футболку и выходит в камбуз. Смущенно садится на табурет, глядя на него исподлобья и накручивая на палец светлую прядь волос.

– Что не так? – тут же замечает ее напряжение монгол.

– Арат, ты не должен...

– Что “не должен”?

– Готовить. Это... ну...

– Малыш, не придумывай глупостей. Не мешай мне за тобой ухаживать. Мне это нравится. Можешь считать, что я – дикий монгол и мне можно.

Марина сделала большие глаза и удивленно приоткрыла рот. Глядя на ее губы, Арат замер, раздумывая, не отложить ли ему этот глупый завтрак. Нет, не стоит. У Марины ритм жизни такой, что она не всегда имеет возможность нормально поесть, а организм ей потом спасибо не скажет. А ему хотелось о ней заботиться.

Арат ведь – монгол, может, и не “дикий”, но все же. Женщины у него на родине – национальное достояние. Никогда монголки не были тихими жительницами сералей или продаваемыми за пару куриц ненужными семье лишними ртами. Он впитал эту истину с молоком матери, на которую был так похож. Все женщины степи – гордые, смелые и свободные. Арат привык с детства видеть в них достоинство. А сказки их монгольские так часто пели про воительниц и всадниц, хозяек и матерей – такие вот были спутницы людей вечного огня¹.

Заботиться о женщине не только приятно – правильно. Даже сегодня монголу, чтобы жениться, нужно было до женщины своей еще дотянуться – встать на ноги и иметь воз-

---

¹ слово “монгол” происходит от” мөнх” (вечный) и “гал” (огонь)

возможность заботиться о своем главном сокровище.

Марина, разумеется, не знала этого. Хотя в ее семье это тоже было нормально и правильно, но доля жены офицера российского флота всегда была тяжела. Их с Лизой мама была “и пахарь, и жнец”. И заботиться о них отец имел возможность лишь в краткие дни счастья – в отпуске. Марина вообще поняла очень скоро, что такие мужчины, как их отец – редкость. И не стоит искать даже подобия. Всех давно разобрали.

А уж в Америке и вовсе забота о даме расценивалась в наше время как демонстрация гендерного неравенства. Нынче тут это было просто неприлично. Марина успела отвыкнуть.

А Арат... ему очень хотелось себя “показать”. Как и каждому мальчишке, конечно. Все самцы этого мира под солнцем пушат хвосты и ходят на цыпочках перед самками. Ничего необычного. И пусть он не обладал богатырским телосложением и ростом, не умел обворожительно улыбаться камерам и не был миллиардером (достаточно было оценить стоимость яхты, чтобы представить себе размеры состояния соперника), но вот готовить монгольский мужчина умел и любил. На сковороде зашкворчали грибы, он отвернулся, помешивая.

Марина молчала, кажется, потрясенно. Злится? Или поняла? Женские руки обвили его, она прижалась всем телом доверчиво и мягко. Она согласилась играть в его игры.

– Корми и пои меня, чем хочешь, монгол. Я ужасно го-

лодна.

Потерлась носом о его щеку, нежно взяла кончик уха в зубы. Арат мгновенно развернулся, поймал ее в объятия, жадно и глубоко целуя, выбивая все мысли из головы, а потом подтолкнул ее к стулу, буквально силой усаживая обратно.

– Ну уж нет, Малыш, второй раз ты меня не проведешь, – весело прищурился он. – Сказал накормлю, значит – накормлю.

Марина обижено надула губы и скрестила руки на груди, решив, что она обиделась. Будет молчать и сверлить его взглядом. Но когда в камбузе одуряюще запахло омлетом с помидорами, грибами и сосисками, в животе ее заурчало так громко, что щеки вспыхнули.

– Запомни, женщина – мужчина всегда прав, – строго сказал Арат, ставя перед ней большую тарелку с завтраком. – И не спорь, особенно с кормильцем.

– Так я и не спорила, – мурлыкнула она. – Я предлагала альтернативу.

– Заманчивую, согласен, – улыбнулся уголками губ Арат, смеясь одними глазами. – Но нам потребуется много сил, сама ведь понимаешь.

Сел напротив нее, опустил подбородок на сложенные руки, с умилением наблюдая, как она ест, прищелкивая языком и закатывая глаза. Угодил, и она оценила.

Их идиллию расколол на куски телефонный звонок. Марина не глядя протянула руку и мазнула пальцем по экрану.

Крошечный камбуз вдруг заполнил голос Георга, такой уверенно-сильный, что казалось, он проник в каждый угол, в каждую щель.

– Детка, я уже в Нью-Йорке. Закончу свои дела и к тебе, буду уже через час, – Марина с ужасом зажмурилась, понимая, что снова случайно включила громкую связь. – Скучала?

– Д-да, – пробормотала она – сначала краснея, потом бледнея и судорожно прикусывая губу от волнения. У нее натурально затряслись руки.

– Целую, жди! – Георг всегда был лаконичен.

Марина, еще раз вздрогнув, бросила телефон на стол, будто ядовитую змею, поглядела на Арата.

“Что он может подумать? Что? Что вообще теперь делать? Гнать его с яхты?”

Разворачивался сюжет достойный итальянской мелодрамы: муж, любовник и яхта. Любовный треугольник. Нет, не так: первый любовник, второй любовник и клиническая идиотка Марина.

Крепкая паника наползала, затягивая разум тугими кольцами. Становилось тяжело дышать, вдруг заболела голова. Черт! Как она могла забыть о “расписании” Георга?

Монгол был совершенно невозмутим. Азиатское лицо, словно маска, не выражало ровным счетом никаких эмоций. Делает вид, что его это не касается, или ему в самом деле плевать? Как бы ему намекнуть тогда?

Девушка перевела дыхание, вытерла вспотевшие ладони о бедра, выдавила из себя жалкую улыбку и виновато посмотрела на любовника, соображая, что лучше сейчас сказать. Но он уже не смотрел в ее сторону, просто молча вышел на палубу. Обиделся? Не удивительно. Снова она перед ним виновата, снова испортила все своей бестолковостью, глупостью.

Он стоял на корме яхты, задумчиво смотря в воду. Медленно оглянулся. Нужно было подойти. Сказать что-нибудь. Нельзя так с человеком. По ее вине ему неприятно. Придется решать вопрос с лодкой, как-то возвращать ее с причала. Черти полосатые, ну как она так?

Отвернулся и начал снимать кроссовки. Что он делает? Зачем? Ему стало вдруг жарко от обиды?

Молча завязал шнурки, повесил обувь на шею. Отступил на шаг.

Зачем?!

Взмахнул руками и гибким движением профессионального пловца нырнул прямо с кормы в глубину ледяного залива. Безумец!

9. Пустота

– Боже, Боже, – металась Марина по палубе, ломая руки. Бросилась на корму к спасательному кругу, потом к снова к борту, понимая, что монгол уверенно плывет в сторону берега и в спасении явно не нуждается. Все, что ей оставалось – это плюхнуться на палубу и разреваться в голос.

Ну почему она такая дура? Почему все так глупо, так неправильно? И отчего в груди печет, словно сердце прижгли каленым железом?

А через час приедет Георг.

Марина бросилась на нижнюю палубу – перестелить белье, проветрить насквозь пропахшую сексом каюту. Вымыть два стакана и две тарелки в камбузе. Мокрые полотенца закинуть в стирку, остатки омлета с овощами сунуть в холодильник. Переодеться – нервы нервами, а выглядеть перед Георгом неряхой она бы ни за что не хотела. Накраситься. Волосы уложить уже не успела, стянула в хвост.

Георг, как всегда, пунктуален. Ровно через час после звонка его катер останавливается рядом с "Крейсером Авророй". Он взлетает на борт легко и красиво, нет, не так грациозно, как Арат, но не хуже, просто по-другому. Более точно, что ли. Размеренно. Боже, да о чем она думает вообще!

– Выглядишь неважно, – замечает мужчина, обнимая ее за плечи и целуя в щеку. – Бледная такая. Тяжелый день?

Нездоровится?

Сначала Марина вспыхивает от злости и обиды: что значит "неважно"? Она тут одевалась, красилась, а ему, значит, не нравится? А потом с невероятным облегчением, цепляясь за его слова, быстро-быстро кивает головой:

– Критические дни. Живот болит, и вообще...

Георг не расспрашивает. Для него есть несколько запретных тем, и женская физиология – одна из них. Ну и ладно, ну и отлично. Он не будет ничего от Марины сегодня требовать, а ей не придется объяснять, что она была с другим. С тем, кто, по сути, никто в ее жизни. А Георг – он, наверное, кто-то. Постоянная. Аксиома. Он просто есть.

– Расскажи про съемки, – просит он, проходя в свою каюту, скидывая пальто и туфли. – Как твои контракты? Как учеба? Последний курс, уже решила, что будешь делать дальше?

Ему и в самом деле интересно, будто Марина – один из его проектов. Слушает внимательно, дает дельные советы, подсказывает, обещает поговорить с кем-то из своих знакомых насчет благотворительной фотосессии в пользу африканского заповедника. Да, бесплатная реклама никогда не бывает лишней.

С ним легко, он не давит на Марину, не пытается ее прогнуть. Марину даже слегка отпускает. А два бокала прекрасного итальянского вина и вовсе приводят ее в благодушное настроение, и спать она идет уже без всяких посторонних мыслей, радуясь только, что у Георга пунктик насчет ноче-

вок в своей собственной спальне. Он ведь даже с женой в одной постели никогда не засыпал. Однажды ответил, смеясь, на безмолвно заданный Мариной вопрос: “Сон – это самое интимное, детка. Ближе него у меня никого нет. Не хочу делить с другими мир своих кошмаров”. Элегантно послал. Как обычно.

А с Аратом так сладко спалось! Он вообще был очень уютным, ее Соболю. Умудрялся обвивать ее собой, словно плющ, греть одновременно со всех сторон, как теплая пижама. На него можно было смело укладывать руки и ноги, крепко обнимать, вжимаясь носом между лопаток, вдыхая его запах. Ей хотелось впечататься в него, слиться, впитаться, как воде в песок. Его дыхание, жар тела, стук сердца успокаивали, умиротворяли... Забудь, Марин. Учись жить без него. У тебя был шанс, ты его упустила. Идиотка трусливая.

Наутро Георг уплывает, обещая вернуться через две недели. Марина кивает, послушно подставляя губы для сухого бесчувственного поцелуя, натянуто улыбается и с облегчением выдыхает, когда его катер скрывается в стелющемся по воде тумане. Ритуал завершен.

Можно возвращаться в себя. Снимать маску и вволю страдать. Упала прямо на палубу на четвереньки и завывала раненой волчицей.

Где он? Жив ли этот упрямец, этот безумец?

“Ломка по Арату” – острая нехватка его глаз, рук, дыхания начинается почти сразу. Пока рядом был Георг, она за-

прещала себе быть собой, думать, жить. Существовала. Сейчас ей тяжело было даже дышать. Мысли мучительно возвращались туда, где рядом с Мариной был Арат.

Кончики пальцев покалывало от желания к нему прикоснуться. Ни одного человека она не хотела так сильно. Даже неважно, что он был на нее зол и обижен. Просто... нужен. Не выдержала – позвонила.

Абонент временно не доступен. Так. Ладно, бывает. Работает, выключил телефон, вне зоны доступа. Позвонила еще и еще, с ужасом понимая, что даже не представляет, где его искать. Она не знает, где он живет, кем работает. Не знает его фамилию. Даже возраст точный не знает! Все это было неважно сутки назад, а теперь приводило в отчаяние.

А что, если он вообще не доплыл до берега? Утонул? Переплыть расстояние до пристани и летом было делом простым, а уж в ноябре... С каждой минутой ей становилось все страшнее. Вода ледяная. А вдруг мимо прошло судно, и его захлестнуло холодной волной? Он одет, тяжелые мокрые тряпки тащили ко дну. Плыть неудобно. Доплыть невозможно. Он покончил с собой у нее на глазах, а она это поняла лишь сейчас?

Села. Взяла в руки себя и трубку телефона. Нажала команду экстренного вызова 911.

Стуча зубами от ужаса, дождалась ответа оператора.

– Здравствуйте, мисс. Что у вас случилось?

Ну конечно же, все под контролем, и у оператора сразу же

высвечивается окошко информации о звонящем. Эта мысль отчего-то ее успокоила.

– Здравствуйте. У меня... пропал человек. Сутки назад.

– Что за человек, кем вы ему приходитесь?

– Арат. Я не знаю. Просто... он спрыгнул с моей яхты и пропал.

– Вы пострадали? На вас было совершено нападение?

– Нет! Конечно, нет, это был мой... гость.

– Пожалуйста, уточните данные вашего пропавшего гостя.

Полное имя, возраст, гражданство.

– Я... я не знаю.

– Вы точно не пострадали? Проверьте, пожалуйста, не пропали ли предметы вашего имущества. Я подожду.

– Я не пострадала, и ничего не пропало. Только человек пропал. Вы не понимаете, там холодная вода, он прыгнул и пропал!

– Мы все понимаем, мисс. Преступники обычно именно так и пропадают с яхт. Перевожу ваш сигнал на номер полиции.

Что она делает?!

Марина отлично знала американский порядок вещей. Если подключится полиция, Арата могут арестовать за проникновение на яхту, и пока будут разбираться – он будет сидеть в участке. Это может лишить бедного монгола работы, всего лишить!

Его, может, и найдут живым, но государственная машина

перемелет этого человека в фарш и выплюнет лишь жалкие ошметки.

Она быстро отключила звонок. Если будут перезванивать – ответит, что все вещи нашлись, и оказалось, что это была шутка. Только бы пронесло.

Нужно самой его искать, на пристани постоянно ошиивается множество людей. Уж труп-то не пропустят.

Внутренне Марина заледенела, будто сведенная судорогой. Быстро одевалась, по обыкновению роняя все, к чему прикасалась, и сметая на своем ходу предметы. Чудом не разнесла лодку, спуская ее на воду. Отшвырнула чехол, утопила весло, пришлось возвращаться за запасным. Чуть не свалилась в воду. Двигалась, как сломавшийся робот, у которого садятся батарейки.

Ее трясло крупной дрожью, руки не слушались.

Удивительно, что она вообще доплыла до берега!

Несколько часов Марина ходила по береговой линии, как тень. Спотыкаясь, смотря на следы, что-то разглядывая в конструкции волнорезов. Падала, вставала. Разбила о камни локоть. Нашла лишь скелет какого-то морского животного, пообщалась с семейкой енотов и погоняла чаек. Вернувшись на пристань, разыскала дежурившего там владельца лодочного проката. С трудом нашла в себе силы его расспросить.

– Да, был такой странный. Вылез из воды, босой, без штанов, в зубах бумажник.

Слава Богу, штаны он умудрился снять и кроссовки бро-

сил!

– Я сначала собрался было полицию вызвать, но он сказал, что любовник, сбежал от мужа, купил у меня одежду, вызвал такси и уехал. Я ему еще виски налил – совсем синий был, бедняга. Но на грабителя не похож, уж больно спокойный и не спешил никуда. Да и заплатил хорошо, тут же мне на кредитку все скинул. Твой, что ли, любовник-то?

Марина была так счастлива, что едва не расцеловала толстенького низкорослого чернокожего. Живой! Доплыл! Остальное – не важно. Не хочет он больше с ней иметь ничего общего – пусть. Она виновата, она дура, она чуть не угробила его. Получила по заслугам. Главное – он жив!

– Да! Мой, это мой любовник, – улыбалась совершенно по-идиотски.

– Повезло же, – чернокожий внимательно на нее посмотрел. – Детка, а ты вот на той лодке приплыла с яхты?

– Да. А что?

Опасаться его не было смысла – Марина видела толстяка каждый день, мило с ним здоровалась.

– И ты обратно собираешься плыть? Такая вот?

– Ну, да, – до нее вдруг начало доходить. После волшебной новости, так ее обрадовавшей, сила, державшая Марину на ногах все это время, вдруг иссякла. Ноги подгибались, руки тряслись, ее ощутимо качало. Доплыть до яхты? Хотелось только сесть прямо на пристань, а лучше – лечь. И умереть. Больше ничего.

– Давай-ка так, детка. Я сейчас заведу катерок, прицеплю твою лодочку и отвезу тебя туда с ветерком. Ты же с “Авро-ры?”.

Сил не было даже обрадоваться. Этот черный крепыш был сегодня ее героем.

– Да. Сколько я вам буду должна?

– Пятьдесят баксов, детка, и мы в расчете.

Дорого. Ну ладно, оно того стоило, все равно этот мужик прекрасен, а торговаться нет никаких сил.

– По рукам.

Больше она ничего не помнила. Чернокожий не просто довез ее к яхте, он выгрузил Марину, поднял ее лодку на борт, тщательно все закрепил на случай непогоды, зачехлил, проверил готовность яхты к шторму и даже оставил ей свой номер телефона, чтоб никакие любовники больше так не плавали, если надо будет – всех быстро вывезет. Все это она видела, словно в тумане. И когда тот уплыл, прогудев на прощание сигналом катера, она смогла лишь упасть на пушистый ковер в спальне. Свернуться калачиком и зажмуриться. Марину трясло крупной дрожью. Ноги сводило судорогой, голова невыносимо болела. И отчетливо хотелось сдохнуть. Чтобы отныне не болело ничего: ни душа, ни тело.

10. Боль

Яхта “Крейсер Аврора” весьма символично стояла на якоре чуть меньше, чем в километре от острова Манхэттен, ровно посередине невидимого пути от выхода из Бруклинского тоннеля до острова Статуи Свободы.

Арат был совершенно свободен.

И когда шагнул с палубы яхты, и теперь – когда доплывший на одних руках и чисто азиатском упрямстве выползал на причал Баттери-Парк Ферри терминала. Джинсы он стянул с себя еще в самом начале своего героического заплыва.

Зол? Да он был в ярости. И эта ярость волокла его в устье Гудзона, через воды Аппер Бей залива, как мощный мотор. В его жизни теперь будет этот заплыв через холодные воды Атлантики. Не стыдно, герой-любовник? Он снова утер нос этому Голиафу. Отчего же так больно?

Бумажник, изгрызенный от судорог в ногах и злости, мокрый и раскисший, к счастью, надежно хранил все кредитки. Найти человека из персонала причала и уговорить его на помощь за отдельную плату было делом нескольких минут. Вести переговоры Арат умел, ловко улавливая настроение собеседника и давя на все нужные точки соприкосновения, искусно, словно жонглер. Спустя уже четверть часа он, одетый и высохший,пил горячий кофейный коктейль с виски в кафе на шоссе Франклина Рузвельта. Пил и размышлял.

Мыслей было много. Странно, но на Марину Арат совершенно не злился. Он ей не муж и не отец. Скорее просто фактор разнообразия. Ему было легче думать именно так. И тогда все было очень просто: история подошла к своему логическому завершению, стоило просто закрыть эту дверь и идти дальше, храня воспоминания о прекрасном приключении. Если бы не одно очень важное "но".

Марина вышла на палубу тогда перед его безумным прыжком. И смотрела на него. В ее взгляде он успел прочесть.... Пожалуй, что свой приговор. Она не хотела его отпускать. И не прыгни он сразу – остановила бы. Отчасти потому он и прыгнул. Никак нельзя было на эту малышку вешать ответственность за все произошедшее. Никак. Малыш. Да, именно так он ее звал мысленно. Так она была записана в его контактах. Никто не догадается, что эта роскошная, как сама любовь, девушка – в душе просто Малыш. Ну и как ее оставить один на один со всем этим миром?

На нее не получалось злиться. А вот на себя... Он никак не мог ответить на единственный вопрос: “Что ты хочешь, Арат? От нее что ты хочешь?”

Ответит – и будет ясно, куда идти дальше и что с этим всем теперь делать. Но Арат малодушно молчал, сам себя пока не понимая.

Марину он хотел. Всегда, везде, безумно. Но секс – это просто пролог к истории. Или эпилог. Осталось лишь выбрать. Встал. Устало потянулся – все мышцы мучительно бо-

лели и кожу саднило. Сегодня у него законный выходной, нужно забрать запасные ключи от квартиры у Кира (его комплект лежал теперь на дне залива), купить телефон, благо, большинство номеров он просто помнил, не доверяя хранению в гугл книге, заказать еду и переделать еще кучу мелких дел. Заодно и отвлечься немного. Завтра грядет трудный день. Завтра он ей и позвонит. Пусть Марина пока отдохнет и сама приведет свои чувства в порядок, заодно и остынет.

***

Завтра не стало ждать. Упрямо наступало сегодня. Нахлынувший вал звонков заставил Арата нырнуть в этот поток, напомнив мужчине о его роли и статусе. Это для Марины он мог позволить себе быть просто Аратом – простым монгольским парнем в джинсах и свитере, бегающим по городу пешком с рюкзаком за плечами. Этот Арат был его зоной свободы. Почти на коне и в степи, когда соперник тебе – только ветер.

В обычной его жизни было все иначе – статус, имидж, государственные интересы. Генассамблея ООН, подготовка рабочего визита Президента, встречи с официальными лицами. Предложения и инициативы, достигнутое взаимопонимание и подписание документов. Безумный ритм вращающейся карусели. Белые рубашки, галстуки, фальшивые улыбки и ледяные рукопожатия.

Еще совсем недавно в его жизни было только это, да ночные побеги в джунгли мегаполиса, в круг ближайших друзей,

привычный ему и комфортный. Теперь же ему нужна была лишь она. Высокая и красивая, такая необычная. Трепетная как газель и такая же чувственная. Это влекло, завораживало. Но было в ней нечто еще. Странное, никогда прежде у него не возникавшее ощущение. Был бы Арат романтиком – назвал бы это “родством душ”. Но он был прагматиком и предпочитал трезвый анализ, в истории с Мариной не работавший.

К концу второго дня, после доклада о подготовке к проведению в Монголии международной конференция по участию женщин-миротворцев в операциях ООН, Арат был готов сбежать. Хотя бы навстречу чашке кофе. Центрифуга рабочих проблем раскручивалась все быстрее. Вчера ночью его хватило только на стакан воды. Утром успел лишь побриться, переодеться, ответить на самые срочные запросы и поздороваться с водителем. Спал в машине, благодаря город за пробки.

Взглянул на часы. Восемнадцать сообщений и одиннадцать звонков. С неизвестного номера. Интересно... Восемнадцать одинаковых сообщений:

“Ей очень плохо. Я в Париже и прилететь быстро не могу. Погибнет. Алекс.”

Погибнет?

Вмиг заледеневшими пальцами набрал этот номер.

– Нашелся? – ответили очень строго, даже зло.

На него еще и злятся. Хотя... Это же не Алекс с кормы

прыгал в осенний залив.

– Что с ней?

– Она должна была улететь утром с нами. Не приехала и не звонила. Я дозвонился, говорит что заболела. Но голос такой, как будто уже пару раз умерла. Черт! Если бы она не болталась посреди моря в этой своем ублюдочном ботинке, я бы отправил к ней доктора! Если ты мужчина – сам знаешь, что делать.

И отключился. Прекрасно. Услышать от пансексуала воззвание к мужскому достоинству – это, право же, было достойным завершением сегодняшнего дня.

Набрал номер Марины. Молчание.

В душе Арата назревала буря. Он оставил ее один на один со всеми бедами и проблемами, прячась от себя самого, от неприкрытой слабости своей. А теперь она “погибнет”? И как он собирается жить после этого?

Что там могло произойти? Все же скандал? Когда Арат уходил, Марина была вполне здорова. Что она натворила?

Что он натворил?

Для решения рабочих проблем хватило получаса. Его здорово выручило то, что за все время работы Арат никогда не позволял себе небрежности в исполнении служебных обязанностей. Был безупречно аккуратен и профессионален во всем. И его просьба о предоставлении выходных за свой счет не могла не иметь под собой очень веских причин. Ему не отказывали.

Теперь оставалось лишь немного – заказать продукты, договориться с лодочником, поговорить предварительно с врачом дипмиссии, если потребуется его визит. Переодеться он не успевал, лишь купил пару носков, футболку и спортивный костюм. Несессер с бритвами, щетками и расческами забрал из дипмиссии, у него там был свой “угол” на случай ночных форс-мажоров.

Все. Можно ехать. Как он ни старался отключить захлестывавшую разум тревогу, переводя мысли в рамки действий – выходило не очень. К моменту посадки в такси у Арата ощутимо дрожали руки. Только бы успеть. Только бы не погибла.

11. Срыв

Сначала у Марины просто кружилась голова. Она улеглась в постель, включила сопливую мелодраму и планировала вдоволь нареваться. В принципе, план удался, только с каждым часом ей отчего-то становилось все хуже. Начался озноб. Ей пришлось достать из шкафа мохнатый толстый плед, но согреться все равно не получалось. Отправила смс Алексу, что, кажется, заболела, в надежде, что индеец примчится к ней на помощь, но ответа так и не получила. Все правильно, это Америка. Здесь каждый сам по себе.

Потом начался кашель – удушающий, сотрясающий все тело.

Телефонному звонку от Георга она обрадовалась как никогда.

– Марина, ты на яхте? – строго спросил у нее “покровитель”. – Будь так добра, посмотри на столе, я, кажется, оставил у тебя очень важную визитку.

Пришлось сползть с постели и идти проверять. Разумеется, ничего там не было. Марина закашлялась, едва не уронив телефон.

– Нет здесь визитки, – прохрипела она в трубку в перерыве между приступами.

– Ты заболела? Вызывай врача, не тяни. И ложись в постель. Спокойной ночи.

Марина снова зашлась не то в приступе смеха, не то в кашле, роняя телефон куда-то под стол. Присела, пытаясь достать, но перед глазами все плыло. Ее охватила дикая слабость, от которой бросило в пот. Горло болело так, что глотать невозможно, не то что говорить. Чаю бы горячего, с лимоном... но лимона у нее, разумеется, не было. Даже кипятку бы просто, но подняться с пола было выше ее сил.

Врача вызвать. Он издевается? Куда? Мой адрес: возмите лодку и плывите строго по курсу зюйд-зюйд ост километр, никуда не сворачивая?

А потом яхту начало шатать. Стены кружились, ведя бесконечный хоровод вокруг ее сознания. Ковер уползал из-под ее горящего бока, проваливаясь все ниже. Один раз смогла встать на четвереньки, доползла до клозета, упала там, между унитазом и стойкой для полотенец. Свернулась на холодном полу клубком, балансируя между явью и сном. Захлебывалась слезами, текущими совершенно самостоятельно, и громко стонала – так было легче. Слушая себя, понимала, что еще живая. Снова ползла – на этот раз в направлении постели. Помочь было некому.

Судя по нешуточной качке, на море был самый настоящий шторм. Яхту кидало как поплавков. И Марину в ней швыряло от стены к стене.

Теряла сознание. Вновь воскресала, краем разума понимая, что сил у нее все меньше. Уже не выходило даже перевернуться на спину. Было страшно. А вдруг она тут умрет –

прямо сегодня, в одиночестве, абсолютно беспомощная? А этот жар то сжигал ее, плавя разум, опаляя дыхание, словно напалмом, то обдавал абсолютным холодом. Она замерзала, не могла дышать, не могла открывать даже глаз.

Смерть уже не казалась кошмаром. Только избавлением. Умереть, как уснуть после долгой работы. Зато отдохнет. Уж скорей бы!

Она не слышала шагов. Слух умер еще раньше. Не видела опустившегося рядом с ней на колени мужчину. Но прикосновение – она его узнала. Снова отключаясь, уходя за грань, успела лишь подумать: “Пришел!” – вместе с извечным женским: “А я выгляжу ужасно!”. Отключилась. Теперь и умереть было совсем не страшно.

Ведь ее Соболев, ее монгол вернулся.

Арат сквозь зубы очень тихо, но очень грязно выругался по-монгольски, подхватил Марину на руки, отнес на кровать. Так легко, будто бы в ней не было ста восьмидесяти пяти сантиметров, дополненных полноценными женственными формами.

Раскаленная, мокрая, смертельно-бледная, она дышала хрипло и поверхностно, словно не могла вдохнуть. Быстро снял с нее мокрые грязные вещи, осторожно переворачивая с боку на бок.

Вообще-то Арат был невероятно брезглив. Мама с детства посмеивалась над ним: вид бараньих кишок мог вызвать у мальчика приступ рвоты. Но болезнь этой девушки, непри-

ятная на вид, как все болезни, вызывала у него лишь трепетное желание заботиться. Он принес влажные полотенца, тщательно обтер горячее тело, оборачивая чистыми простынями, как новорожденного ребенка, плотно укутал в одеяло, вытер волосы. Она стала дышать чуть спокойнее.

Арат набрал номер врача. Дипмиссии полагался свой доктор, обслуживавший еще и Генконсульство. Их врача звали Вася – отличный мужик. После десятиминутного разговора и попыток найти хотя бы градусник Арат вынужден был согласиться с Васей и оформить заявку на вызов. Позвонил лодочнику, договорился о доставке. Бросать Марину одну в таком состоянии было просто опасно.

Она застонала. Тихо. Позвала кого-то. Наклонился к ее бледному лицу и обомлел от услышанного. Марина звала его. Выдыхая короткое имя, стиснув зубы, не открывая глаз. Это было так... чувственно, что в глазах потемнело. Отрезвил звонок. Алекс.

– Да. Я у нее уже. Врача вызвал.

– Если надо помочь, я оплачу.

Арат усмехнулся. Имидж азиатского мальчика с улицы, похоже, к нему намертво прилип. Он не будет разочаровывать Алекса. Не теперь.

– Спасибо. Если совсем прижмет, я воспользуюсь.

– Ты не стесняйся. Если что вдруг – я сдеру с Георга. Сама-то она не попросит.

От этого имени у монгола дернулся глаз. Георг – тот са-

мый, на катере. Конечно, Марина будет умирать в болтанку посреди моря на этой его чертовой яхте, но помощи у этого своего... Георга не попросит. Очень уж она русская, эта Марина.

Молча кивнул головой телефону, отгоняя мысли. Отключился. Услышал гул мотора катерка, вышел встречать.

Василий был бывшим военным врачом и давно привык не задавать лишних вопросов. Яхта? Ну, значит, яхта. Не землянка на берегу – и отлично. Бегло осмотрел девушку, скорбно сжимая губы. Температура, низкое давление, хрипы в легких, общая картина морального и физического истощения. Быстро записал что-то, позвонил, открыл свой бездонный и многоэтажный чемодан. Арат вопросительно посмотрел на него, Вася лишь покачал головой: его помощь пока не требовалась. Вышел. Побрел на кухню, пафосно именуемую Мариной “камбузом”. Немытая посуда, полы залиты водой, натекшей из распахнутого иллюминатора. Вдохнул, пошел переоделся. Остаться тут придется не на один день. Будем обживаться.

За полтора часа, проведенных доктором у постели Марины, Арат успел отмыть камбуз, приготовить ужин, убрать воду из галюна и навести порядок на палубе. Он работал как сумасшедший. Это отрезвляло. Он злился сейчас на себя, на свою судьбу, на осенние шторма. Лишь на Марину злиться никак не получалось. Она там лежала сейчас, такая маленькая, такая беспомощная и хрупкая, словно ветка на морозе.

И он ее чуть не сломал. Проклинал себя ежесекундно.

До того момента, пока Арат не услышал свое имя в ее стене, можно было говорить себе: "Ты ей не нужен". Просто приключение, просто шедший мимо человек. Но теперь вдруг все стало сложнее. Через девушку, зовущую его вот так, переступить Арат уже не сможет.

– Рат, можно тебя?

Он оказался рядом так быстро, что и сам не понял как. Она уже просто спала. Еще очень бледная, но заметно лучше дышала, лежа на боку, совершенно по-детски положив ладонь под щеку и согнув колени. Мучительно захотелось погладить по голове и укрыть потеплее. Малыш. Его Малыш. Кольнуло непривычное, снова и снова. Хотелось быть просто рядом, схватить на руки, прижать и закрыть от всего того плохого, что еще только вздумает с ней случиться. Немалых усилий ему стоило услышать слова доктора.

– В принципе, ничего страшного. Уже. Если бы она была в нормальном состоянии – завтра бы встала. Уж не знаю, каким образом вы девушку умудрились... – он деликатно крикнул, – так за...мучать?

Слово тут явно подразумевалось куда менее цензурное, но даже присутствие Марины-спящей сдерживало русского доктора Василия от более крепких выражений.

– Уже не важно. Мои действия?

– Покой, сон, еда, питье. Вот тут я оставляю тебе рецепт. Это по общей медицинской страховке, я спишу все на общие

нужды. Антибиотик я ей уколол, нужно будет сделать еще два укола: завтра и послезавтра. Остальное по рецепту. Сам уколешь?

Арат кивнул, пробегая глазами рецепт со внушительным списком лекарств.

– Вась, что я тебе должен?

Выходивший из каюты доктор Степанов лишь молча ответил монголу символический подзатыльник, удаляясь к прибывшему с ним катеру. Арат догнал его, передал незаменимому лодочнику рецепт, кредитку и новый список продуктов. Его услуги обходились недешево, зато все доставлялось быстро, четко и точно по списку.

Вернулся. Марина лежала на спине с открытыми глазами. И плакала?.. По лицу лились слезы. Всхлипывала, кусала губы, стараясь не разреветься в голос.

– Ау! Мне доктор только что выписал рецепт на полный твой покой и хорошее настроение, Марина. Если ты собралась нарушать режим, мне придется работать клоуном. Ходить на руках, разрисовать лицо помадой и глупо шутить странным голосом. Ты точно хочешь этого?

Она недоуменно на него воззрилась – с таким удивлением, что Арату очень сильно захотелось посмотреть на себя в зеркало. Что там опять не так? Рога? Так он не муж, это Георг пусть почесывает темечко.

– Ты почему тут? – спросила очень тихо, с трудом растягивая губы.

– Забыла? Я давно уж на тебе женился, у нас четверо детишек, пришел сказать тебе, что у старшего ветрянки, а ты не приготовила ужин и посуду не помыла. Как так, женушка, это после двадцати лет брака?

Марина улыбнулась горько. Ни разу в жизни никто еще не собирался на ней жениться. Эта мысль вдруг пришла в голову и настроения не улучшила.

– Прости, Малыш. Не грусти, это была глупая шутка. На самом деле я твой внебрачный брат. Буду кормить тебя ужином и поделю с тобой многомиллионное наследство от дедушки.

Он говорил эти милые глупости, пытаясь ее развеселить. А она все не верила. Этого не могло быть. Он снова упал, словно с неба. Снова протянул руку и ее поднял. Почему? Не понимала.

Монгол вышел на несколько минут, вернулся с халатом из душа.

– Больше я ничего не нашел. Тебя нужно одеть. Доктор сказал, что через несколько часов будет кризис. Должна вспотеть, нужно будет сделать еще укол. А пока поесть. Я сам тебя покормлю.

Только тут Марина вдруг заметила, что обнажена, и мучительно застеснялась. В таком виде он мог видеть ее лишь в минуты страсти, а тогда смотрят не глазами, а чувствами. А тут – все как есть: голенастая как цапля, нескладная. А этот мужчина ее еще и раздевал, освобождая от грязной и мокрой

одежды. Чудовищно. Застонала и закрыла лицо руками.

– А теперь-то что? Фантазерка! Я не умею одевать халат с препятствиями. И имей в виду – я держусь из последних сил. Не видел ничего сексуальнее голой, больной и беспомощной Марины, – он был серьезен.

Дрогнувшей рукой провел по шее от волос и до плеча, заглянул в глаза. Этот его потемневший жадный взгляд она уже знала. Стало вдруг легче и теплее. Антибиотик помог, не иначе.

12. Строго следуя рецепту

Всю ночь Арат был с нею рядом. Переодевал, обтирал, осторожно поил. Колол уколы, забавно хмуря брови и ругая ее за застенчивость. Вытирал со лба пот, переодевал. На руках носил в туалет и обратно. Все это он делал с невероятно трогательной нежностью, целуя в лоб, касаясь висков губами. Трепетными движениями переворачивая, ложился сзади, обнимал, закрывая собой как щитом от слабости, от болезни, от всех страхов ночи.

Такое с ней было в последний раз в далеком детстве, где были мама, не отходящая от болевших дочерей ни на шаг, и отец, готовый за них с Лизой взять и разрушить весь этот мир.

Лиза, кстати, звонила на телефон Марины еще вечером. В пылу яростной уборки Арат нашел на полу кухни разряженный аппарат и поставил его на зарядку. Включившийся экран продемонстрировал кучу звонков от Алекса и Лизы, один принятый от красноречивого “Г.” и еще вызовы от непонятного Соболя, названивавшего Марине весь вечер накануне. Ну ладно, не весь – всего несколько звонков. Но ревнивая крыса заскреблась вдруг в груди, настойчиво требуя вывести “Соболя” на чистую воду.

Соболь – это фамилия? Сразу представился высокий смуглый мужчина, чем-то похожий на его сокурсника – вен-

гра Зиге с потрясающей фамилией – Энгельс. Внутри что-то напряглось. Ого! Он умеет ревновать? Не стоит. Не Марину. Кто он для нее? Лишь миг, короткий как вздох.

Лиза снова позвонила. Марина спала очень крепко, спокойно, разметавшись на постели, улыбаясь чему-то во сне.

Подумал, поднял трубку. Еще накануне вечером она обмолвилась: “Если будет звонить сестра или Алекс, ответь. О тебе они знают”.

Арат проговорил с Лизой минут сорок. Долго слушал, не перебивая, лишь усмехаясь. Ушел наверх, только обрывки слов доносились, а встать и подслушать сил у проснувшейся в это время Марины еще просто не было.

А монгол общался с сестрой этой девушки и удивлялся. С женщинами у него никогда еще не было таких разговоров. Словно его – агента вражеского государства – аккуратно раскрыли, обезвредили и профессионально перевербовали. Уже на десятой минуте разговора монгол был согласен умереть во славу их мира, мира прекрасных Марин и мудрых Лиз. Тоскливо подумалось: “Это я еще с родителями их не знакомился!” Еще? Вот это поворот! Его подлое подсознание собралось зайти так далеко? Конечно, все это – коварное влияние Лизы. Или того дыхания рядом, вчера так правдиво шептавшего: “Арат”?

Как все со времен той снежной ночи стало вдруг сложно! На вопросительный Маринин взгляд ответил лишь кратким : “У тебя изумительная сестра. Правда, ты спи” – и вы-

ключил свет. Что оставалось? Как наказал врач: “Отдыхать и лечиться”. Проскользнул на место рядом, ясно ощутив: она ждала. Обнял, уткнувшись носом в шею. Она потянулась спиной, потерлась ягодицами о его пах – и Арат, стиснув зубы, отстранился. Каких сил ему стоило это простое движение!

– Нет, Малыш. Не сейчас. Спи. Помнишь, только покой. Мы еще наворачстаем.

Поежилась, обиженно вздохнула и очень скоро задышала размеренно и тихо. Так по-детски. Права была Лиза в их том разговоре: она совсем еще ребенок. Если он будет пытаться объяснять себе ее шаги иначе – никогда и не поймет. Марина совсем не глупа, но, как и все творческие люди, совершенно обнажена в своих чувствах и порывах. И отчего вдруг так хочется ее защищать?

Марина проснулась утром в его объятиях. Арат прижился к ней со спины, обвивая руками, закинув колено на ее бедро, словно стремясь всю ее забрать себе. Дышалось легко, горло хоть и саднило, но уже не так, как раньше. Из ощущений осталась лишь слабость – и безумное всепоглощающее счастье от того, что ее Соболев рядом. Настолько огромное, что почти удушающее, а облегчение – болезненное. Словно корочку, которая зудела и чесалась, с раны содрали.

Марина пошевелилась, выпутываясь из его рук. Страшно хотелось в уборную.

– Лежи, – пробормотал проснувшийся от ее телодвиже-

ний Арат. – Не вставай. Нельзя.

– Мне очень надо, – недовольно ответила Марина, поднимаясь. Наконец-то в голове ее была полная ясность. Она больше ничего не боялась, даже смерти, потому что монгол настырный, монгол не даст ей помереть. – Мне намного лучше, правда.

– В туалет можно, – милостиво дозволил Арат, потягиваясь. – Помощь нужна?

– У меня держать нечего, справлюсь, – фыркнула Марина, даже не подозревая, что он любит ее.

Высокая, с идеальной осанкой. Даже в мятом несвежем халате и с грязными волосами выглядит и ведет себя, словно королева. Хочется опуститься к ее ногам и целовать колени, бедра. И подняться цепочкой поцелуев выше... прикусить кожу на внутренней стороне бедра... зализать укус... поймать ее дрожь, сладкий стон. Спокойно, Арат. Девушка больна. Не стоит увлекаться.

А Марина, случайно взглянув в зеркало, ужаснулась. Арат здесь, а она такая растрепанная, помятая, будто поношенная! Бледная, как моль, со следом от подушки на щеке, с опухшими веками и потрескавшимися губами. Лучший способ отбить все мужские желания. Очень надежно. Сразу и силы откуда-то появились, и щетка зубная сама собой оказалась в руке. Но этого было Марине мало – и она полезла в душ, смывать с себя запах пота, обязательно голову, и неплохо бы еще побрить ноги, может, и не только ноги, но это уже

точно не сейчас. Но силы внезапно иссякли. Снова накатила слабость, да такая, что она вцепилась в поручень душа, едва устояв на дрожащих ногах. На глаза навернулись слезы. Да уж, самое лучшее средство, чтобы оттолкнуть мужчину – это заболеть.

– Ты что-то долго, – затарабанил в дверь Арат. – Застряла? Заснула? Ау, Марин?

Она молчала, не зная, что ответить, и тогда он просто толкнул незапертую дверь и вошел. Мгновенно оценил обстановку, покачал головой укоризненно.

– Совсем больная, – пробормотал он, открывая стеклянную дверь душевой и подхватывая Марину на руки, словно ребенка. – Я же сказал тебе: лежать!

Она на секунду даже испугалась, зажмурилась – вдруг не удержит – упадут они оба, она его собой придавит, как кота табуреткой? Но руки были сильными, стальными. Держал он ее крепко, будто хищный зверь добычу.

Марина вспомнила вдруг: на руках ее носил лишь один человек – ее главный мужчина, отец. Совсем еще маленькой в те редчайшие счастливые моменты ее жизни, когда он не был в море, а она исхитрялась заболеть. Это было важно, тогда папа ее укладывал, кормил с ложки, читал книжки и носил на руках под негодующие взгляды мамы и насмешливые – Лизы. А когда она порезала ногу на пляже в Севастополе? Отец нес ее, шестнадцатилетнюю лошадь, на руках до самого дома под завистливые взгляды встречных дам. Папа. В носу

защищало непрощенной солью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.